

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

Фридрих Евсеевич Незнанский
Опоздать на казнь
Серия «Господин адвокат»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171439

Опоздать на казнь: Олимп, АСТ; М.; 2003

ISBN 5-17-000000-0, 5-7390-1268-6

Аннотация

Не в первый раз помогает адвокат Юрий Гордеев, сам в прошлом следователь, молодой сотруднице Генеральной прокуратуры Елене Бирюковой в расследовании не очень значительного, на взгляд профессионалов, преступления. Но впервые на карту поставлены их жизни, потому что они столкнулись с фанатической жестокостью и безжалостностью террористов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	79
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Фридрих Незнанский

Опоздать на казнь

*Правда у всех одна и та же, но у всякого народа
есть своя особая ложь, которую он именует своими
идеалами.*

Ромен Роллан

Глава 1

«Тополиный пух, жара, июнь...» — надрывалась магнитола в машине, припаркованной возле настержь раскрытого окна отделения милиции номер сорок три, что на Петроградской стороне. Лейтенант Иващенко, несший сегодня первое самостоятельное дежурство, лениво размышлял: стоит ли сделать замечание меломану-водителю или лучше просто прикрыть окно. Впрочем, если закрыть, это не спасет. К тому же песня вполне соответствовала ситуации: ночная духота и комья тополиного пуха, обычного в самой середине лета, имелись налицо. Жара не спадала даже ночью, а пух летел большими хлопьями, напоминая сероватый снег, что вызывало ностальгические воспоминания о зиме. «Сугробы» этого пуха уже скопились по углам дежурки.

Нет, закрывать окно не хотелось. Слишком душно, слишком жарко, а кондиционеры в районных отделениях не

предусмотрены. «Чай, мы не बारे!» – как любил приговаривать майор Кабанов в ответ на жалобы своих подчиненных. Впрочем, такой же фразой он встречал даже просьбу о выдаче пачки писчей бумаги или банки типографской краски для снятия отпечатков пальцев...

Выходить из помещения, обходить здание и вступать в препирательства с водителем лейтенанту Иващенко также было лень.

Усилием воли заставив себя подавить раздражение, возникшее от музыки, лейтенант вернулся к важному делу. Кроссворды, а точнее, сканворды – крупные и красочные – сержант Иващенко уважал, и даже очень. Покупал все еженедельные газеты и тонкие аляповатые журналы, в которых было обещано это простенькое развлечение для ума. А также и отдельные сборники: «50 кроссвордов», «100 кроссвордов, сканвордов и чайнвордов», «Самые новые кроссворды» и прочую чепуху. Благо их щедро и в большом количестве предлагали в электричке, в которой лейтенант Иващенко трясся и томился ежеутренне минут сорок по дороге на службу. Там он и наловчился разгадывать нехитрые вопросы, сначала заглядывая через плечо других пассажиров, а потом уже и самостоятельно.

– Имя царицы из древнегерманского эпоса? Э-э-э... пятая «г», последняя «а», аж десять букв... да...

«Жара, июнь...» – напоследок взвизгнула автомагнитола за окном и заткнулась.

«Ну наконец-то!» – вздохнул Иващенко. И тут раздался стук в дверь.

– Занято, – пошутил Иващенко, но потом испугался, что это его непосредственный начальник – майор Кабанов – пришел проверить, как лейтенант справляется с первым ночным дежурством.

Майор Кабанов, надо сказать, таких шуток не понимал. Как-то раз на первое апреля сотрудники сорок третьего отделения решили начальство разыграть – вполне невинно – прислали ему пригласительный билет на встречу с известным питерским шоуменом (а по совместительству – малоизвестным сексопатологом) доктором Щегловым.

Гром и молнии, которые обрушились на головы подчиненных, когда розыгрыш открылся, размах имели чудовищный – чуть до рукоприкладства не дошло. С тех пор сотрудники сорок третьего отделения милиции шутить с начальником избегали.

В дверь снова постучали.

– Войдите! – сказал Иващенко, на всякий случай скинул пачку журналов и газет с кроссвордами в ящик стола и зачем-то приподнялся со стула.

В дежурку вошла, а точнее, всплыла дама. Вот именно, что не девушка, не женщина, не барышня даже – а дама.

Крупная блондинка лет тридцати в черном шелковом брючном костюме и с черной же газовой косынкой на голове вошла и застыла в дверях.

«Брунгильда», – сразу всплыло в памяти лейтенанта неугаданное слово из кроссворда.

«Надо бы записать, а то еще забуду», – с сожалением подумал он, вслух же произнес:

– Слушаю вас, проходите.

Дама прошла к столу дежурного и произнесла неожиданно высоким нервным голосом (от которого Иващенко даже вздрогнул):

– Здравствуйте! У меня случилось несчастье!

– Добрый день, – произнес Иващенко. – В чем дело?

– У меня пропал муж! Вы должны найти его, немедленно!

Под конец фразы голос ее сорвался почти на визг, и дама бурно разрыдалась.

Иващенко смутился-засуетился, схватил с подоконника пластиковую бутылку, в которой отстаивалась вода для поливки цветов. Налил этой воды в стакан, подскочил к даме – щелкнул несуществующими каблуками и бряцнул несуществующими шпорами.

Но дама от воды отказалась. Она вынула из черной лакированной сумочки носовой платок, от которого сразу повеяло какими-то неземными духами. Дама крепко и смачно высморкалась и уставилась на лейтенанта круглыми немигающими глазами. Удивительно, но косметика на ее ухоженном лице не потекла от столь бурных рыданий.

«Хорошая косметика. Водостойкая, наверное, – подумал Иващенко. – Не то, что у моей Аньки, та как заревет – так

вся в синих разводах, смотреть жутко, как вампирёныш».

На пришедшую даму смотреть было куда приятнее.

– Наша фамилия – Дублинские, – она сделала паузу, чтобы посмотреть на реакцию лейтенанта. Однако лицо Иващенко оставалось непроницаемым. Дама с некоторым даже недоумением хмыкнула и продолжила: – Вы понимаете, мой муж, Сергей Владимирович, прилетел вчера из Германии, сказал, что у него дела на пару часов, ушел из дома и не вернулся. Вы понимаете, такого никогда не было! Умоляю вас! Надо что-то срочно делать!

– Подождите, гражданочка! Давайте разберемся... – Иващенко достал из ящика несколько листов бумаги.

– Да что тут разбираться? Надо! Срочно! Розыск!

Дама кричала.

«Дублинские», – подумал Иващенко. В кроссвордах ему эта фамилия не попадалась.

– Погодите. Когда, вы говорите, он ушел из дома?

– Вчера. В семнадцать ноль-ноль, – четко ответила мадам Дублинская. – То есть в пять.

– Ага, – неопределенно ответил лейтенант и сделал пометку.

Дублинская снова сорвалась на крик:

– Вы что, не понимаете?! Мы же время теряем! Надо все-союзный розыск объявлять!

– Всероссийский, – машинально поправил ее Иващенко.

– Да хоть всенародный! Вы что, не понимаете?!

– Я-то понимаю, но и вы поймите – в розыск мы можем объявить человека, только если он не появлялся более трех суток. А по вашим словам, он только вчера из дома ушел.

– Вы что, с ума сошли? А если с ним что-то случится за эти трое суток?

– Очень может быть, что погуляет – и вернется, – попытался успокоить ее лейтенант. Но его фраза возымела обратное воздействие. Дама снова сорвалась на крик:

– Мой муж не гуляет! Как вы смеете?! Он солидный человек! Профессор! Мировая знаменитость! Он вчера с симпозиума прилетел! Я уже и в бюро несчастных случаев звонила, и по моргам. С ним точно что-то случилось. Он не может просто так пропасть!

– Ну-ну, все бывает, – продолжал твердить свое Иващенко. – Бывает, что и солидные люди загулять могут.

– Я вам говорю, не может он загулять! С ним что-то случилось!

– И вы меня поймите. Не имею я права раньше трехдневного срока в розыск объявлять, – упрямо сказал лейтенант. – Хоть режьте на куски – не имею.

– А зачем вы тогда тут сидите? Что вы можете сейчас сделать? Нельзя же совсем бездействовать. Человек пропал – вы понимаете?!

«Вот заладила, – подумал Иващенко. – Такая не отвяжется. Надо что-то придумать, а то ведь будет сидеть тут трое суток, дожидаться».

– Я могу сейчас у вас заявление принять, – пришла в голову Иващенко спасительная мысль. – Но ход делу мы сможем дать только по истечении трехдневного срока. Согласны?

Дама посмотрела в глаза лейтенанта милиции и, увидев только ледяную непреклонность, поняла, что препираться бессмысленно, и кивнула.

Иващенко протянул ей несколько листов бумаги.

– Пишите. И как можно подробнее опишите обстоятельства. Сесть можете вон за тот столик.

Иващенко показал в угол своего кабинета, где стоял второй письменный стол. По идее, за ним должен был сидеть еще один инспектор, но по причине хронической нехватки кадров стол был не занят.

«Я, Оксана Дублинская, заявляю о пропаже своего мужа – Сергея Дублинского», – старательно выводила дама.

– Адрес свой не забудьте и паспортные данные. Свои и мужа. Дату его рождения и прочее. И имейте в виду, если вдруг муж объявится, или позвонит, или кто из друзей скажет, что видел его, вы нам немедленно должны сообщить, чтобы мы зазря не старались.

– Постараетесь вы зазря! Как же... – бурчала под нос недовольная дама, но продолжала писать.

«Улица Большая Монетная, дом 1, – прочитал адрес Дублинских Иващенко. – Хороший дом, академический. Может, и правда какая-нибудь важная шишка этот загулявший профессор».

Когда дама ушла, он первым делом достал из ящика свой кроссворд и вписал так удачно вспомнившееся ему слово «Брунгильда». А минут через пять, погрузившись в решение кроссворда, и вовсе забыл о визите Дублинской...

На следующее утро лейтенант Иващенко отчитывался перед начальником отделения, майором Кабановым, о своем первом дежурстве:

– Ночь прошла без происшествий. Поступило два звонка. Мелкая кража и драка в коммунальной квартире. Составлены протоколы.

– Хорошо... Что еще? Совсем ничего?

Лейтенант замялся – стоит ли говорить о заявлении Оксаны? Он вспомнил о нем уже утром, фиксируя в журнале дежурств происшедшее за последние сутки. С одной стороны, он вроде бы не имел права заявление принимать, но с другой стороны – заявление-то он принял, умолчать не удастся, а ежели профессор Дублинский и через двое суток не появится, заявлению придется давать ход, профессорша просто так не отвяжется.

– Ну вот, дамочка приходила – муж у нее пропал, всего-то и сутки прошли. Загулял, наверное, профессор, но дамочка такая настойчивая, я бы даже сказал, настырная – заявление оставила. Я принял.

– Это ты зря, Иващенко! – покачал головой майор Кабанов. – Ну раз принял – значит, принял. Пусть лежит. Двое

суток, пока делу ход не дадим... А что за профессор, кстати?
– Дублицкий, что ли... Или Дублинский, – наморщил лоб лейтенант.

– Кто-о?! – глаза Кабанова округлились.

– Дуб... Дублинский... – заикаясь, проговорил лейтенант Иващенко, предчувствуя недоброе.

– Как Дублинский?!

Майор Кабанов даже в лице переменился.

– Дай-ка заявление!.. «Дублинский Сергей Владимирович, 1957 года рождения, Большая Монетная, 1». Точно он. Блин, только этого мне не хватало!

– А что такое, товарищ майор? – осторожно поинтересовался Иващенко.

– Слушай, Иващенко, ты хоть телевизор-то смотришь? Газеты читаешь? Или только эти свои: слово из трех букв «лежа», из четырех букв – «стоя»? Тьфу!

Взбодороженный майор, оставив лейтенанта в полном недоумении, умчался в свой кабинет, прихватив заявление.

Там он достал из стола синенькую папочку на тесемочках, пробежал глазами бумаги, выудил одну из них и принялся изучать.

«Ну вот, Дублинский, профессор. Зам зав. каф. ТЯФ – черт знает что! – А, вот... Кафедра тяжелой ядерной физики. Точно, он же физик-ядерщик. Ну и влипли мы. Звонить надо. Срочно».

На бумаге, которую майор Кабанов вынул из синей папки,

был отпечатан список из шести фамилий. Дублинский там стоял третьим – по алфавиту. Были там фамилии очень знаменитые – пожилая певица, чья слава пережила ее карьеру, знаменитый театральный режиссер, писатель-фантаст, известный всем с детства, а также парочка ученых. «Список негласного надзора» – как называл его сам Кабанов. Нет, не сделали эти известные лица ничего предосудительного, никто их ни в чем не обвинял, не подозревал и даже не собирался. А попали в этот списочек они лишь потому, что имели честь проживать в районе, где нес свою службу майор Кабанов. И хоть милиция призвана оберегать покой и имущество всех граждан без исключения, но, как говорится: «Все равны, а некоторые – равнее». Интересы лиц из «списка негласного надзора» милиция должна была оберегать в первую очередь.

Звонить на Литейный – в питерское ГУВД – не хотелось. Разговоры с начальством не входили в реестр удовольствий майора Кабанова, но вариантов не оставалось. Решив потянуть время, Кабанов заварил себе чай в большой, почти бульонной чашке и закурил «беломорину», смяв ее предварительно в двух местах. «А говорят, что на фабрике Урицкого с нового года „Беломор“ перестают выпускать. совсем ошалели. Что ж делается?» – подумалось майору. Он затянулся поглубже, глотнул дымящегося чаю, пододвинул к себе телефон и набрал номер ГУВД.

– Да... Да, сорок третье отделение... Майор Кабанов...

У нас ЧП... Пропал профессор Дублинский. Физик, да. Тот самый. Жена вчера заявила. Так точно. Виноват, вчера новичок дежурил – не счел нужным сразу в известность поставить. Я – как узнал... Да. Хорошо. Будем ждать.

Майор брякнул трубкой о телефонный аппарат, вытер вспотевший лоб, счастливо, как-то по-детски рассмеялся. Достал из стола небольшую бутылочку дагестанского коньяку питерского розлива, щедро плеснул коньяк в чашку чая, выпил залпом, не поморщившись.

– Утешительные новости, – сказал он сам себе.

По телефону высокое начальство сообщило ему, что проблема с пропавшим секретным физиком столь важна и серьезна, что высокое начальство, в свою очередь, будет беспокоить стоящих еще выше и информировать (а точнее, спихивать) московских коллег, а точнее, Генпрокуратуру. Слишком уж важной персоной оказался этот профессор...

Московских коллег майор Кабанов не то чтобы не любил, а скорее недолюбливал, считал их сутягами и шкурниками. Особенно прокурорских работников. Но тот факт, что пропажей Дублинского придется заниматься не ему, майора очень радовал.

– Вот пусть сволочь столичная приедет и по городу побегает, – проговорил он вполголоса.

Кабанов распахнул окно, в которое тут же ворвался ветер, принося все новые и новые клочки пуха. Вместе с пухом он принес и песенку, так раздражавшую вчера лейтенанта Ива-

щенко:

Тополиный пух, жара, июнь,
Ночи такие лунные...

Майор вызвал Иващенко:

– Иди-ка, лейтенант, разберись, что там за музыка грохочет. Штрафани ты его, что ли – за нарушение общественно-го покоя.

Глава 2

Кто-то размахисто и мерно бил Юрия Гордеева по голове тяжелым металлическим прутом. От каждого удара голова гудела, как большой чугунный колокол. А потом огромный полосатый шмель жужжал и шипел, надрываясь, и вдруг подлетел к самому уху, вжикнул напоследок, влетел в ухо, пошарил в голове – и через другое ухо вылетел.

Такой сон снился адвокату Гордееву на излете белой северной ночи. Он проснулся, потянулся, потряс головой. Шмеля в голове не обнаружилось, но легче от этого Гордееву не стало. Голова по-прежнему болела нестерпимо. Кровать, на которой пытался проснуться Гордеев, слегка покачивалась. Где-то над головой раздавался странный гул – видимо, именно он и навеял жужжание шмеля в последнем сневидении.

Первый луч ласкового раннего солнца бил прямо в глаз сквозь круглый иллюминатор. Открывать глаза полностью не хотелось. Только быстрый взгляд сквозь полусомкнутые тяжелые веки с попыткой произвести рекогносцировку местности, и тут же отказаться от этой бесполезной затеи... Соображать, где он находится, почему вместо окна в стене расположен иллюминатор и почему же так болит голова, Гордееву тоже не хотелось. Уснуть уже было невозможно, мешало мерное гудение где-то в вышине и пронзительный сол-

нечный свет. Больше всего Юрию Гордееву сейчас хотелось умереть, не приходя в сознание.

Но и этого ему сделать не позволили.

– Ну че! Проснулся? Пора уже! Через час подплываем, – раздался пронзительный женский голос где-то совсем рядом.

Гордеев даже вздрогнул:

– Кто здесь?

Женщина хохотнула откуда-то из темноты, куда еще не попадал солнечный свет.

– Не, ну вы видели? Кто я, он спрашивает! Глаза разуй, дорогой!

Гордеев «разул глаза», хотя страшно не хотелось это делать, но пришлось выходить из сумеречного состояния и переживать похмелье наяву. То, что голова разламывается именно по причине похмелья, было вне всяких сомнений... Вряд ли адвоката Юрия Гордеева действительно били железным прутом по голове всю ночь. Значит, похмелье. Даже проявились смутные воспоминания – виски, джин, липкая «бехеровка», экзотическая настойка канабиса, потом еще самбука и что-то еще – горькое, изумрудно-зеленое, без названия, а ближе к финалу вечера запомнился еще отвратительный коктейль «черный русский» – одна треть водки, одна треть сухого вермута и одна треть рассола из-под черных маслин. От воспоминаний Гордеева затошнило. Вспомнилась ему и обладательница голоса – ну почти вспомнилась, – то ли Галька, то ли Валька или даже Майка. А находится он

на теплоходе – дай бог название припомнить, впрочем, черт с ним! – и подплывают они сейчас к славному городу Санкт-Петербургу после трехнедельного морского круиза с заходами в различные порты северной и прочей Европы.

Гордеев поднял голову. Сфокусировав взгляд, ему удалось разглядеть сидящую в глубине комнаты рослую девушку с копной рыжих волос, мощными ногами и очками на маленьком носу. Кроме очков на ней, кажется, ничего и не было. «Боже мой, и откуда она взялась? – с ужасом подумал Гордеев. – Впрочем, по пьяни еще и не такое бывает. Оттянулся, называется. А ведь слово давал – никакого флирта во время отпуска! Впрочем, тут, кажется, никакого флирта и не было. Девушка, очевидно, определенной категории».

– Галька, будь человеком, дай воды! – простонал Гордеев.

– Я не Галька, я – Гайка! – ответила девушка и вдруг процитировала Антона Павловича Чехова: – «В пьянстве был не замечен, но по утрам жадно пил холодную воду».

– Классику знаешь? – с недоумением отреагировал Гордеев.

– А как же! – немного обиделась девица. – В универ учусь! Отличница, между прочим.

– И теперь, значит, летнюю практику проходишь... – пробурчал Гордеев, пока Гайка наливала воду в стакан.

Воду Гордеев и правда пил жадно. Глотал он теплую минеральную воду с болотистым запахом и с плотным ржавым осадком на дне бледно-голубой бутылки. Название вода но-

сила слегка неприличное: «Полюстрово».

«Да уж, прелести заграничной жизни закончились! Добро пожаловать на родину. И вода тут – ржавое „Полюстрово“, и девушек с университетским образованием зовут Гайками... А ведь не далее как позавчера я ходил по улицам уютного Копенгагена, на русалку смотрел. Эх...» – только Гордеев хотел углубиться в приятное подведение итогов собственного бурного вояжа, как Гайка его перебила:

– Ну че, дорогой?! Расплачиваться-то не пора?

«Расплачиваться? Это она про деньги, что ли? Деньги – это такие разноцветные бумажки, точно... – тупо и медленно текли мысли в голове гордеева. – А вот остались ли у меня деньги после всех этих приключений? Интересная мысль...»

– Расплачиваться?... А... За что?.. – поинтересовался Гордеев, хотя уже сам начал догадываться, за что именно у него требовала денег рыжая Гайка.

– То есть как это «за что»? – рассердилась та. – За комплекс услуг!

– Ладно, ладно... – вздохнул Гордеев, хотя ни одной услуги из этого самого «комплекса» он, хоть убей, не помнил.

Ему все же пришлось принять вертикальное положение, надеть штаны и достать бумажник. Он был пуст. Совсем, абсолютно, безнадежно пуст. Нет, там оставались, конечно, какие-то бумажки и документы, на месте было и удостоверение Коллегии адвокатов, паспорт и даже загранпаспорт с шенгенской визой, но вот денег там как раз и не было.

«Да, хорошо заканчивается отпуск», – тоскливо подумал Гордеев.

В отпуске, надо сказать, он не был уже три года. Как говорил сам Гордеев: «тридцать лет и три года», уверяя, что каждый год его нервной работы идет за десять. А работал он – служил, трудился, старался – на благо столичной юридической консультации номер десять, что находится в Москве, на Таганке.

«Нет у меня навыка отдыхать, заработался, разучился. Отрываюсь, будто на свободу вырвался и век воли не видал. Поэтому и Гайки всякие неизвестно откуда появляются...»

Поискав по другим карманам, а также заглянув в дорожную сумку, Гордеев денег так и не обнаружил. Ценностей особых типа золотых часов или перстней с камнями у него отродясь не водилось. Расплачиваться с Гайкой было нечем, а она между тем со все возрастающей тревогой наблюдала за манипуляциями Гордеева. «А ведь у нее наверняка тут где-то есть и крыша», – с тоской подумал адвокат.

Ладно бы подъезжали они к Москве-столице – там бы Гордеев смог позвонить кому-нибудь из приятелей или сестрице Ваве. Повинился бы, покаялся, но денег бы перехватил. А тут Питер – город, конечно, Гордееву знакомый, но не близко. Друзей-приятелей, у которых можно было бы вот так запросто взять денег, чтобы и с Гайкой расплатиться, и до дома добраться, таких друзей у Гордеева в Питере не было. Ну некому ему было позвонить. Впрочем, ежели он собирал-

ся кому-то звонить, значит, оставался у Гордеева еще телефон...

«Да уж, спиртное плохо сказывается на мыслительном процессе – это точно», – в укор самому себе подумал Гордеев. Должен же у него где-то быть сотовый телефон. Вчера еще был. Милая и очень дорогая игрушка, каприз адвоката, который он смог себе позволить с последнего щедрого гонорара. Найдя телефон в кармане дорожной сумки, Гордеев достал его и спросил:

– Гайка, хочешь телефон?

Девушка сморщила свой и без того микроскопический нос, взглянула на серебристый аппарат, который ей протягивал Гордеев, и отказалась:

– На фига он мне, у меня свой имеется, «Нокиа». Вот!

И она вынула из сумки телефон, который, пожалуй, был даже покруче гордеевского.

– Неплохо живут студенты ЛГУ, однако! – воскликнул адвокат.

– Подарок, – неопределенно пробурчала Гайка. – Есть добрые люди на свете...

– Ты смотри, он новый, я его перед самым круизом взял. – Гордеев все не оставлял надежды отдать Гайке телефон. – Ну посмотри, он крутой, последняя модель, с наворотами всякими, хочешь – покажу. Он, между прочим, триста баксов стоил.

– Да на фига он мне! – без энтузиазма повторила Гайка,

которой Гордеев старательно всучивал телефон. Гайка руку отвела, и тут телефон запиликал. На мотив: «Наша служба и опасна и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...»

– Ой, ты че! Мент, что ли?! – испуганно воскликнула де-вушка.

– Нет, Гайка, я не мент. Я хуже... – сказал Гордеев и нажал на кнопку телефона. – Гордеев слушает!

– Юра! Ты где?!

Этот голос адвокат Гордеев узнал бы в любое время дня и ночи. Даже в состоянии клинического похмелья. Это был голос Лены Бирюковой.

– Лена, привет! Я сейчас... – он оглянулся, – плыву на белом пароходе, а ты где?

– Узнал? Юра! А я вот в Питере. И мне твоя помощь нужна... Очень. Где это ты плывешь?

– Вот совпадение-то! Я, Лена, как раз подплываю к Питеру, и где-то через час наш белый пароход причалит у гостиницы «Прибалтийская».

– Отлично! Я тебя встречу, там и поговорим. Пока!

Лена отключилась. Гордеев послушал короткие гудки, а потом сообразил: «Ленка в Питере. Я ей нужен. Вот оно. Есть. Есть, у кого денег перехватить». Юрий посмотрел на определитель и набрал высветившийся номер:

– Лена! Это снова Юра!

– Да?

– Лена, у меня к тебе просьба. Большая просьба – пойми,

мне обратиться тут не к кому. Выручай! Ты же сейчас все равно подъедешь. Скажи, у тебя деньги есть?

– Есть. А что?

– Да ты понимаешь, я тут на корабле... И деньги кончились. Неожиданно, – добавил он для убедительности.

– Что? Загулял наш поручик? – усмехнулась Лена.

– Загулял, – виновато ответил Гордеев.

– Сколько нужно, чтобы выволить ваше высокоблагородие?

– Ну долларов сто...

Тут раздался голос Гайки:

– Между прочим, сначала надо у меня спросить. Мы вчера на сто пятьдесят договаривались!

– Лена, нужно двести, – послушно повторил в трубку Гордеев.

– Хорошо, господин адвокат! Привезу я вам требуемый выкуп. Только потом обязуешься помогать мне денно и нощно. Договорились?

– Лена! Какой разговор! Когда я тебе отказывал! Да что случилось-то? Объясни толком.

– Приеду – расскажу. Извини, Гордеев, мне торопиться надо, – отрубил Лена, и Юрий снова услышал в трубке короткие гудки.

Ах, Лена, Лена... Были бы у Гордеева хоть какие знакомцы в Петербурге, не стал бы он просить денег у Лены Бирю-

ковой — ни в жизнь. Слишком странные отношения связывали их последние несколько лет. Когда-то Юрий буквально спас ее от суда и следствия, и роман их развивался бурно и спонтанно. Было время, когда Лена чуть не женила его на себе. Благо и работали она тогда под одной крышей — все в той же юридической консультации номер десять. Но потом Лену переманил Костя Меркулов в Генпрокуратуру, где когда-то служил и Гордеев, но из которой он ушел и переквалифицировался в адвокаты. Роман их к тому времени почти иссяк, но стоило им встретиться — случайно или по делу, — как отношения возобновлялись с прежней силой. Также бурно и спонтанно. Вот только женить Гордеева на себе Лена, кажется, передумала. Ну и слава богу!

И работает сейчас Лена младшим следователем в Генпрокуратуре, распутывает дела, по большей части мелкие и несерьезные, но к собственной карьере относится ответственно, дело свое любит и знает. Давненько уже она не обращалась к Гордееву с просьбой о помощи. Что-то и впрямь случилось неординарное. И почему же Лену откомандировали в Питер?

Глава 3

Эти четверо тронулись в путь под утро. Утро у них наступало не раньше двух часов пополудни, когда обычные граждане уже успевали пообедать.

Впереди шла толстая белобрысая деваха в ярко-желтой футболке с надписью: «Я ненавижу тебя, Билли Гейтс!»

Следом за ней упруго шагал брюнет с шальными карими, слегка раскосыми глазами.

За брюнетом безмятежно брел рыхлый парнишка в ковбойской рубаше. Несмотря на жару, его волосы были щедро набриолинены и блестели на солнце.

Замыкал процессию растрепанный светловолосый заморыш в красных ботинках, непрерывно вопрошавший: «Куда вы меня тащите, злые люди?» Ему никто не отвечал. Впрочем, никто его никуда и не тащил, он шел сам.

– В самом деле, Камушка, куда ты нас ведешь? – наконец спросил брюнет.

– На дискотеку «Песчаный карьер», – ответила деваха. – А не кажется ли вам, старший строевой сержант Крис, что Лаки уже успел дунуть?

– Очень может быть, генерал Камушка, – кивнул брюнет. – Прапорщик Лаки, что вы скажете в свое оправдание?

– Кто курил? Я курил? – ласково спросил парнишка в ковбойской рубаше. – Ну самый децл, если только. Выхожу из

дома – мужики сидят. «Хочешь дунуть?» – говорят. Конечно, отвечаю, хочу, а у вас откуда? «Оттуда!» Зашли за гаражи, забили косяк, нормальные такие парни оказались, один даже рокабилли в «Мани-Хани» по субботам играет... Где-то у меня визитка его была, он меня приглашал бесплатно на их сейшн прийти... Черт, где же? Неужели посеял?

– Лаки всегда везет! – хлопнул его по плечу Крис. – Травы покурил на халяву и еще на концерт сходишь. А у меня вот вчера Динка ботинок сперла. Когда на своей подружке меня подловила. Захлопнула дверь, я дело кончил, выхожу в коридор – а ботинка и нет.

– Зачем тебе сейчас ботинки, Крис? Сейчас бы сандалии в самый раз, – сказал Лаки, который как раз в сандалиях и был.

– Дурик, там под стелькой нычка была. Двести баксов, за последнюю халтуру мне заплатили. Хотел гашиш купить – хрен мне теперь в грызло, а не гашиш.

– Шиш тебе, а не гашиш, – подал голос заморыш в красных ботинках.

– А вам, салага, права голоса никто не давал! – рявкнула Камушка. – В темпе, бойцы.

Все четверо жили на станции метро «Улица Дыбенко», но познакомились почему-то через Интернет. Каждый из них был как-то связан с этой единой сетью, опутывающей весь мир. Кто был системным администратором, кто пытался программировать или писать на компьютерную тему в

разные непритязательные журнальчики «обо всем». Помимо любви к компьютерам эту компанию объединяло пристрастие к наркотикам естественного происхождения – «травке и грибочкам», как ласково называл их Крис. Он был самый старший и опытный наркоман, но у Камушки зато был громкий голос, и она всегда чуяла, где можно добыть травы и когда менты пойдут винтить народ.

Шли они по проспекту, что вел от дома Камушки в сторону леса. Солнце припекало, и на душе у каждого было легко и спокойно, только Камушка слегка икала – ее мучило перманентное похмелье. Проспект неожиданно закончился и уперся в стройплощадку. Разомлевшие от жары строители лежали под дощатым навесом и пили кефир из картонных коробочек.

– Встали – постояли! – распорядилась Камушка. – Расклад такой. Грибы поспели. Хорошие грибы, правильные. Мне об этом Сиамский сказал, а уж он-то врать мне не будет. Так что, бойцы, идем мы на дело правое. Собранное делим по справедливости. Мне четверть, Сиамскому четверть, четверть Крису, четверть Лаки с Сорхедом на двоих.

– Это почему нам четверть на двоих? Разве это честно? – тут же встрепенулся заморыш в красных ботинках.

– А будешь возникать, вообще ничего не получишь! – ущучила его Камушка. – Мал еще возникать. Строевой сержант Крис, разберитесь.

– Это мы мигом, – ответил Крис, по-кошачьи приближа-

ясь к своей жертве. – Ну что, рядовой, будем хамить высшему руководству?

– Ну нечестно ведь! Почему Сиамскому четверть, он ведь даже с нами не пошел?

– Сиамский нам место показал, – ласково объяснил Крис. – А тебя, детка, вообще никто с собой не звал. Нечего тебе, детка, за старшими хвостом ходить. Еще научишься плохому.

– А мы его научим! – хлопнула себя по ляжкам Камушка. Звук получился гулкий – с ближайшей искореженной березы сорвались и полетели в сторону города две вороны.

– Вороны Одина знак нам подают! Хороший будет урожай на мухоморы! – обрадовался Лаки. – Чего вы с ним спорите, не хочет – пусть не идет. Давай, генерал, командуй.

– Вот так бы сразу, – важно кивнула Камушка. – За мной, бойцы. Идти нам долго – за деревню Кудрово и дальше, к песчаному карьере. Сиамский туда ходил на днях, говорит, там этого псилоцибина – ну просто завались. В темпе, бойцы. За мной.

За стройкой раскинулся лес не лес, парк не парк, а если быть точнее – заросшая свалка. Среди чахлах кривых деревьев валялись останки автомобилей, холодильников, пылесосов, бутылки из-под пива и лимонадов разного рода покрывали землю сплошным слоем. Картина была урбанистическая и безрадостная.

– Смотрите под ноги, тут могут быть змеи, – предупредила

Камушка. – Зря ты, Лаки, в сандаликах пошел на дело.

– Ну я же не знал, – беспечно пожал плечами Лаки. – К тому же, если я буду смотреть под ноги, я на змею не наступлю.

– Способный какой парень растет! – похлопал его по плечу Крис. – Дай-ка отхлебнуть.

– Отставить пьянство в отсеках! На перекур остановимся – там и бухнем! – бросила через плечо Камушка. – Если вы нажретесь у меня раньше времени, никому грибов не дам.

– Ладно, ладно. Не будем пить, – примирительно сказал Крис. – А слышали, что Энди тоже в Питер едет на пээмжэ?

– Да ты что? Это просто тенденция какая-то! – покрутил головой Лаки. – Сначала Рукин переехал, потом Нечаева, теперь вот Энди еще. Чего им в Москве не сидится? Я бы, если жил в Москве, ни за что бы в Питер не поехал. Там и культура, и деньги, и журналистам платят больше.

– Вот и ездил бы в свою Москву, журналист ты наш. А мы тут останемся, – оборвала его Камушка. – Мне вот это переселение народов тоже подозрительным кажется. Наши в Москву валят, москали сюда едут. В воздухе пахнет провокацией.

– Это антисемитские происки! – оживился Сорхед.

– Ах, оставьте эти ваши глупости, рядовой, – махнул рукой Крис. – Я вот что думаю. Москву скоро арабы будут бомбить. Это дело ясное. Москвичам об этом по-тихому сказали, вот они и валят. А чтобы не создавать паники, на место каждого москвича сажают питерца.

– Точно-точно. Все началось с президента! – радостно подхватил Лаки.

Маленький отряд миновал свалку, перешел железнодорожное полотно и вышел к деревне. По главной улице без дела шлялись хмельные местные жители. Собаки умильно заглядывали в глаза каждому прохожему – не найдется ли чего пожевать? Если пожевать ничего не находилось, они злобно лаяли вслед жадине.

– Прямо как бомжи! – заметил Крис. – У нас на Дыбенко дед один сидит, деньги просит. Нагло так просит, за ноги хватает. А если не дашь денег – он тебя такими матюгами обложит, каких у нас в армии никто даже не слышал. Жуткий дед. Я вчера не поленился, поговорил с ним по-мужски. Теперь потише будет. А нет, так я его с ноги уделаю. Делов-то.

– Городские, чего приперлись? – окликнул их нелепый вихрастый мужичок, сидевший на скамеечке возле магазина.

– Митрич, здорово! – обрадовался Лаки. – А мы вот в лес идем, воздухом дышать.

– Это вы правильно. Воздух нынче бесплатный. А мне эта сука в долг водку не отпускает. Сказал – верну, как деньги будут. Плесните, что ли, чего у вас там есть?

– Начинается, – вздохнул Сорхед, – каждого алкоголика поить – нам ничего не останется.

– Отставить, рядовой! Вольно! – рявкнула на него Камушка. – Лаки, выдели бойцу дозу. Стакан-то есть?

– Спасибо, ребятки! – просветлел лицом Митрич, извлекая из-за пазухи помятый пластиковый стаканчик. – Вот это по-христиански, по-божески, то есть. Присаживайтесь, что ли, у меня и закуска тут есть...

Из-за пазухи была извлечена сушеная рыбка, пучок лука и горбушка черного хлеба.

– Не побрезгуем! – потянулся к луку Крис.

Выпили, посидели немного.

– Встали, пошли, – скомандовала Камушка, – до карьера нам как лучше дойти?

– А вот, левее чуть возьми, там тропка будет такая. Зачем вам этот карьер? Всех чего-то на этот карьер будто черт какой тащит.

– Что-о? – взвизгнула Камушка. – Руки в ноги. То есть ноги в руки, шагом марш, бойцы. А то придем к шапочному разбору.

Бойцы повиновались. Они шли и шли по лесу, и казалось, что вожаденный карьер все никак не начнется. Закончилась водка, припасенная Лаки.

– У кого что есть еще выпить? – спросил Крис. – Ты, Сорхед, больному человеку Митричу сто грамм паршивых пожалел, а сам-то что можешь нам предложить?

– У меня только кока-кола... – растерялся тот.

– На кокаинчик пересел? – подначила его Камушка. – Божественный образ жизни? Скурвился совсем?

– Какой кокаинчик, что вы, я так...

– А то я не знаю, как ты в журнал «Современная мысль» попал. Все знают – уломал тебя Дима Бычко и согласился ты, и теперь работаешь на него. Ты только не переживай – один раз – не Логоваз, – подмигнула Камушка.

– Какой Бычко, вы что? Где я, а где Франция? Он в Москве – а я тут. И не пишу я в «Современную мысль», я теперь сисадминю в «СКЛ».

– Стало быть, обманул тебя этот жирный боров. Ну ничего, малыш, тогда расслабься и получи удовольствие, – усмехнулась Камушка.

– Кстати, мать, а как у тебя самой дела с этим, с чеченцем-то? – спросил Лаки.

– Отставить разговорчики! – помрачнела Камушка. – До цели недалеко. вперед, бойцы, нас ждет шикарный урожай.

Заброшенный песчаный карьер зарос по краям крепкими молодыми сосенками и выглядел вполне гостеприимно.

– Так. Крис – налево, Лаки – направо, Сорхед – куда-нибудь подальше, а я вас ждать здесь буду. Если кто чувствует, что потерялся, – не геройствовать. Мобилу к уху – и звоним мне. Кто первый находит грибы, мобилу опять же к уху – и оповещаем остальных. Все поняли?

– Так точно! – потянулся Крис. – У меня там, правда, оплата скоро кончается... Ну ладно, я-то и не заблужусь, но как бы Сорхеда выручать не пришлось.

– Оставьте меня! – нервно отдернулся тот. – Я сейчас такое найду, что вам и не снилось!

– Грыбочык! – поддразнил его Лаки.

– Не расслабляться! – гаркнула Камушка. – Инструкции получены? Действуйте.

Крис и Лаки, посмеиваясь, разошлись в разные стороны, заключая по дороге пари, кто из них первым найдет место-рождение поганок. Сорхед решил, что он сейчас тайком от всех вернется в город, отключит мобильник и посмотрит порнографические картинки, которые накачал вчера ночью. А эти пусть поищут его, поволнуются. Впредь будут почтительнее. Да что они вообще себе позволяют? Он будущее светило технического прогресса, а они – кучка жалких наркоманов, не способных самостоятельно ни одной простенькой программы без багов написать.

Он брел и брел, думая, что скоро выйдет к деревне, а там и до стройплощадки рукой подать. Но по своей извечной рассеянности Сорхед пошел в сторону, противоположную той, откуда они пришли. Лес все не кончался, жара не спадала. Хотелось есть и пить, тут кока-кола и пригодилась! «А эти пусть сдохнут от жажды!» – мстительно подумал он.

Лес вокруг был одинаковый – сосны и березы, полянки и тропинки. Где-то далеко-далеко слышалось нежное «Ау-у!» – очевидно, Камушка прочистила свои могучие легкие и теперь собирает отряд. На боку завибрировал мобильник. Определился номер Криса.

«Ну конечно, только Крису я и нужен», – вздохнул Сор-

хед. Крис ему всегда нравился – подтянутый, спортивный, настоящий мачо. Девушек менял каждую неделю. Недавно отрастил себе сутенерские усики, и это было уже слишком.

Сорхеду вдруг очень захотелось увидеть его, прямо сейчас, рассказать о принципиально новом способе кодирования, над которым он тайком работает. «Но там же эта Камушка. И Лаки».

Запахло дымком откуда-то слева. «Значит, неподалеку жильё!» – сообразил Сорхед и пошел на запах. Посреди поляны, на которую он выбрался, дымилось свежее кострище. «Вот, блин, обманулся! – тоскливо сплюнул Сорхед. – Нет тут никого живого».

Никого живого там и в самом деле не было. Зато в кострище, в самом его центре, лежал обгорелый человеческий труп.

– Ма-а-а! – сорвался на визг, потом захрипел Сорхед. Трясущимися руками сорвал с пояса мобильный, набрал номер, не попадая по кнопкам. – Крис, алло! Ты слышишь меня? Я... Я заблудился, да! Тут тело, тут костер, труп в нем, иди скорее сюда, ко мне, я не знаю где, нет! Ты можешь определить? Тут костер, в нем труп. Не жрал я грибы! Нет. Крис, только скорее, пожалуйста! Костер, а рядом я. Никуда от него не уходить? Страшно же! Ну ладно, буду ждать. Только ты поскорее, а?

От голода, усталости и духоты, а также от полученного нервного потрясения Сорхед упал в обморок. Так его и нашел Крис и остальные – обгорелый труп в костре, а рядом –

бесчувственное тело Сорхеда.

– Надо его с ноги уделать! Верное средство, – сказал Крис. – Ну-ка, я его сейчас...

– А жмур-то, смотри, вправду есть, – к кострищу подошла Камушка. – Валить отсюда надо, вот что я вам скажу.

– Милицию надо вызывать, – ответил Крис, пытаясь легкими оплеухами привести Сорхеда в чувство. – Сейчас звони 02 и сигнализируй.

– Мы с ума еще не сошли – с ментами связываться, – сказал Лаки. – Давай разберемся с этим придурком – и домой. Грибов не нашли, в говно какое-то вляпались. Лучше бы я дома оставался – сегодня по телику «Семнадцать мгновений весны» повторяют.

– Ты сколько раз эти «Семнадцать мгновений весны» смотрел? – одернул его Крис. – Непременно в милицию надо звонить. Вы совсем, что ли? На зону хотите? Митрич видел, что мы сюда идем. Камушка, молодец, у него еще и дорогу спросила.

– Я же не знала, что тут жмур этот.

– Не знала. Но теперь, если кто его пойдет опрашивать, он без утайки скажет, что шли мы к песчаному карьере, и какое у тебя алиби? Мало ли, кого мы тут встретили и убили?

– Крис, да ты чего? Кого мы убили? – опешил Лаки.

– Никого мы не убили. В милицию звоните, быстро.

Камушка пожала плечами и достала из кармана мобильный.

– Алло, милиция? Тут такое дело. Обгорелый труп человека. Метро Дыбенко, лес, сразу за песчаным карьером. Тут недалеко. Ирина Камова. Тут недалеко. От песчаного карьера – немного правее. Кострище свежее.

– Ну что, поверил начальник? – спросил Лаки.

– Так поверил, что тебе и не снилось. Сейчас приедет – опрашивать нас будет. Никаких чтобы разговоров про грибы. Мы пошли в лес, чтобы водки выпить. От всех водкой пахнет, все достоверно. Один вот уже нажрался, сознание потерял.

В этот момент Сорхед открыл глаза, увидел склонившегося над ним Криса, примеривающегося для очередного удара, и сказал:

– Милый...

– Ну, за милого! – ухнул Крис и припечатал беднягу хорошим ударом в челюсть. – Готов клиент.

– Сатанисты это, – пробормотал Сорхед, не открывая глаз, – жертвы они тут приносят.

– Хоть бы сатанисты тебя прибрали! – с чувством сказала Камушка.

Помолчали.

Через некоторое время к полянке подъехал милицейский газик...

– Грибочки, говорите, промышляли? – ласково спросил один из милиционеров. – Вас мы тоже с собой возьмем. Для

дачи показаний, ну и так, вообще. А где у нас клиент?

– Вон, в костре, – насупился Крис. – Обижаете, начальничек, мы тут выпивали только.

– Поговори у меня, татарская морда, – беззлобно ухмыльнулся мент.

– Да уж какая есть, – обиженно нахмурился Крис.

– А знаешь, что за такие разговорчики с твоей мордой сейчас будет? – внезапно посерьезнел мент.

– Бейте, я привычный, – ничуть не испугался Крис.

– Ладно, парень, – пошел на попятную мент. – А под деревом у вас кто? Тоже мертвый?

– Живой он. Напился только очень и разомлел, – подала голос Камушка.

– Отлично. Тело – на опознание, свидетелей – допросить, а этого – в вытрезвитель, – обернулся он к своим коллегам. – Удачный выезд. «Семнадцать мгновений весны» потом посмотрим.

Глава 4

Константин Дмитриевич Меркулов ни от кого не скрывал своего отношения к хорошему коньяку в умеренных дозах. «Выпьешь рюмку, закусишь лимончиком и чувствуешь, как очищается твоя душа, проясняется мозг, кровь начинает бежать по венам быстрее, а это в нашем возрасте так необходимо!» – говаривал он.

– В нашем возрасте, Леночка, только коньяк способен напомнить об ушедшем задоре юности!

– Да что вы, Константин Дмитриевич, вам ли приbedняться! – кокетливо улыбнулась Лена Бирюкова.

Был пасмурный, хмурый день. Казалось, что вот-вот пойдет дождь, могло даже почудиться, что он уже пошел, но нет – это просто шины проезжающих машин шуршали за окном.

– Я слышал, ты хорошо справилась с последним делом, – одобрительно кивнул Меркулов.

Лена делано смущенно опустила глаза.

– Ну-ка Расскажи, – попросил Меркулов.

Последнее дело! Зловещее название. Больше подходит для какого-нибудь детективного романа. «Последнее дело Холмса», «Последнее дело Пуаро». А потом, по просьбе читателей – «Самое последнее дело Холмса». «Самое последнее-распоследнее дело Пуаро».

Последнее дело, которым занималась Лена, имело гром-

кое и солидное неофициальное название – «Дело героинщика-рецидивиста Деревянко». Но вообще-то не было в нем ничего солидного, так, мелочовка, проходное дело. Проведено добротнo, закончено в срок, но не более того. Нечем особенно гордиться, любая практикантка справится. Никаких погонь, перестрелок, перекрестных допросов. Скрупулезная кабинетная работа. Но все же Лена гордилась этим делом.

Вор-рецидивист Деревянко оказался не угрюмым отморожком-медвежатником, а худым испуганным парнишкой чуть старше двадцати. Промышлял он тем, что срывал у прохожих с поясов мобильные телефоны и немедленно скрывался с места преступления. Бегал он быстро, страх быть схваченным только подгонял, к тому же человек, с пояса которого так запросто можно сорвать мобильный телефон, обычно идет по улице, задумавшись о чем-нибудь своем, и не способен сразу осознать, что произошло. Пока он очухается, пока сообразит, в какую сторону убежал вор, того уже и след простыл. Тем и жил Деревянко, худо-бедно, но жил. Но однажды ему не повезло. Вообще-то, если точнее, ему не везло уже дважды. Первый раз, когда он, на заре своей злосчастной юности, пытался угнать автомобиль, в автомобиле оказался хороший сторож – боксер Рекс, задержавший преступника до возвращения хозяина. После досрочного (за примерное поведение) освобождения из мест заключения Деревянко приноровился вырывать сумочки из рук женщин, идущих

на рынок. Сначала все шло хорошо, он уже было подумал, что нашел свое дело, но однажды охрана рынка отвлеклась от поборов с кавказцев и сработала четко – Деревянко опять попал на скамью подсудимых. И снова был выпущен досрочно – за примерное поведение, по какой-то там амнистии.

Выйдя из тюрьмы во второй раз досрочно, Деревянко устроился экспедитором в одну из небольших фирм, производивших замороженные овощи. Где его нашел дилер, за чем с ним связался – неведомо. Дилеры чуют, из кого можно вытрясти деньги. Но экспедиторские зарплаты не рассчитаны на то, чтобы их тратили на приобретение наркотиков. И тогда Деревянко вспомнил о своем боевом прошлом. Начал по вечерам прохаживаться по спальным районам и отбирать у граждан телефоны. И все у него шло без сучка и задоринки, до тех пор пока он не наткнулся на Лизу Урманцеву, кандидатку в мастера спорта по легкой атлетике среди юниоров. Лиза возвращалась домой с тренировки, упруго шагая по Волгоградскому проспекту к своему дому. Она не шла – парила в облаках, фантазировала, представляла, как побеждает на Олимпиаде, как ее награждают золотой медалью и предлагают остаться на ПМЖ в Америке. Настроение было мечтательное и задумчивое. Как вдруг из-за ларька выскочил Деревянко с перекошенной рожей, с силой сорвал у нее с пояса новенький мобильник и бросился наутек – дворами. Лиза помотала головой, вынырнула из океана сладких грез о грядущих победах и побежала вслед за

ним. Догнала она его около помойки и долго, самозабвенно была ногами. Потом поймала милицейскую машину и велела везти себя в участок. В участке у Деревянко обнаружили еще один мобильник, находящийся в розыске, и цифровой плеер. Цифровой плеер достался начальнику смены – у него дочка подрастала, а мобильники, после тягостных раздумий, были возвращены законным владельцам. К отделению уже стекались корреспонденты спортивных и молодежных изданий, желавшие проинтервьюировать и поприветствовать юную бегунью, собственноручно задержавшую вора-рецидивиста. («И собственноручно запилавшую его», – добавил ехидный журналист «Спорт-экспресса» Александр Кузьминов.)

На суде Деревянко ничего не отрицал. Сознался в содеянном, сказал, что деньги ему были нужны на героин. Мать его заплакала, отец сурово сдвинул брови. Девушка (Лена с удивлением обнаружила, что даже у таких бывают девушки) с ненавистью глядела на «спортсменку-комсомолку» Урманцеву.

Спортсменка Лиза, двухметровая крепкая деваха, давала показания спокойно, уверенно. Сказала, что остаться без телефона было бы для нее существенной потерей. Обвиняемый, худой, лопоухий, обритый наголо, стоял за решеткой и даже не пытался бить на жалость – его и без того было жалко. Нелепый мальчишка с нелепой судьбой, он почему-то вызывал в памяти страницы школьного учебника истории. Имен-

но так, по мнению Лены, выглядели бомбисты начала века. Она поймала себя на непонятной, странной, крамольной даже мысли – хотелось подойти к обвиняемому, погладить его по голове, как нашкодившего сорванца, а эту самодовольную белозубую кобылу – одернуть.

«Стоп, мадемуазель Бирюкова! – подумала Лена укоризненно. – Рожать тебе надо. Причем срочно! Ты уже первого попавшегося уголовника готова усыновить! Куда это годится? Вот и не верь байкам, которые так любят рассказывать в каждой бухгалтерии, про природу женщины, про ее предназначение и про то, что приходит время, и организм, вне зависимости от твоего желания, стремится к размножению. Неужели я такая?» – Лена с отвращением вспомнила бухгалтерш, гонявших чай в душном кабинете, заставленном некрасивыми цветами в детских ведерках и пакетиках из-под молока.

Впрочем, притормозить юную бегунью все же пришлось. Лизу попросили не зарываться и уточнить, на какие доходы она приобрела телефон. Телефон оказался подарком любимого тренера, следовательно, никаких своих денег она в него не вложила. Парня избавили от лишнего года заключения, пострадавшей не дали вволю покрасоваться перед подружками, пришедшими на слушание дела. Дела рецидивиста-героинщика Деревянко.

– Да это просто девушка с веслом! – усмехнулся Мерку-

лов, – Вот бы ее на службу взять. Сразу бы всех мелких жуликов распугала, одним своим бравым видом.

– Она бы и нас распугала, – покачала головой Лена. – Бегают девушка, конечно, хорошо, дерется тоже – у подсудимого все лицо было в кровоподтеках, но вот соображения у нее нет никакого. Мозг слабый, вялый, неактивный.

– Ладно, ладно. Не всем же быть такими умницами и красавицами, как ты, – неуклюже, что свойственно всем однолюбам, произнес Меркулов.

Лена снова в притворном смущении опустила глаза.

– Вы меня захвалите, Константин Дмитриевич.

– Сотрудников надо иногда хвалить! А время от времени – поощрять. Ну что, где планируешь отдохнуть?

– Хотелось бы в Прагу. Посмотреть на знаменитый город, попить пива, по старинным улочкам погулять. Город красивый, знакомая ездила, рассказывала, захлебываясь, будто бы это музей под открытым небом.

– А что ты скажешь о таком городе-музее, как Санкт-Петербург?

– А что о нем сказать? – без энтузиазма пожала плечами Лена. – Когда музейный сторож становится директором музея и по привычке таскает с черного хода экспонаты, пригодные для растопки печки, – это уже не музей, а склад артефактов. Да и была я там сто раз...

– Не хочешь на этот склад прогуляться? – хитро прищурился Меркулов.

– Да нет, не особенно, если честно. Я же еще не сошла с ума. Вот моя школьная подруга уехала туда жить, пишет восторженные письма, рассказывает, как у нее то воду отключают, то газовая колонка ломается, то соседний дом упал, то сухогруз затонул. Романтика! Не по мне такая романтика. Я комфорт люблю. Мне бы в Европу...

– Ну, с комфортом придется временно подождать, – заметил Меркулов, посерьезнев. – Есть у меня для тебя дело. Как раз в Питере.

– Константин Дмитриевич! – взмолилась Лена.

– Я за него, – невозмутимо ответил Меркулов.

– Константин Дмитриевич, разве я честно не заслужила отдых? – голос лены звучал тонко и жалобно.

– Заслужила. Честно. Нечестные у нас в Генпрокуратуре долго и не задерживаются. Но хватит разговоров. А дело для тебя у нас вот какое. Пропал в Санкт-Петербурге один ученый с мировым именем. Он, конечно, скорее всего загулял, по своим аспиранткам пошел, но на всякий случай нам велено с этим разобраться.

– Сами-то они что же там, в питерской милиции, своего ученого найти не могут?

– Сами они тоже не сидят без дела, – строго сказал Константин Дмитриевич. – Но по статусу такими делами должна заниматься Генпрокуратура. Сергей Дублинский – очень известный в ученых кругах физик-ядерщик. Можно сказать, имеющий стратегическое значение для безопасности стра-

ны. Поэтому решено послать туда своего человека. То есть, Лена, тебя. Раз ты говоришь, что у тебя там подружка, – тем более. Будет повод с подружкой повидаться. Проследишь, чтобы этого ученого из притона, где он прохлаждается, отвели под белые руки домой, к безутешной супруге, поглядишь на разводные мосты, погуляешь по набережным белой ночью – красота. Кстати, если возникнут трудности, обращайся лично к начальнику угро Виктору Петровичу Гоголеву, скажи, что прибыла по моему личному приказу. Он поможет в решении любых вопросов.

Меркулов задумчиво почесал бровь. Ему вдруг самому отчетливо захотелось все бросить и уехать в Питер. Посмотреть на разводные мосты, погулять по набережным, как когда-то давно, в молодости. На Константина Дмитриевича нахлынули воспоминания. Как они с будущей женой, тогда еще студенткой медицинского института, вырвались на выходные в Ленинград, как катались на речном трамвайчике, как целовались под мостами, рядом с мостами, на мостах... А что? И он, заместитель Генерального прокурора, имеет право на законный отдых, на ностальгические воспоминания. Не все же в душном кабинете пылиться...

Меркулов решительно тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Не сейчас.

– Дело вкратце таково. Прибегает в отделение жена пропавшего ученого и пишет заявление. Заявление пишет через сутки после его исчезновения.

– Положено заявлять на третьи сутки... – заметила Лена.

– Положено, – согласился Меркулов. – Но женщина была так безутешна! Она уверяла, что с ее супругом наверняка что-то случилось. Как говорят, плакала. Словом, приняли у нее заявление. А когда узнали, кто пропал, немедленно оповестили нас. А мы уже стали контролировать процесс дальше. Понятно?

– Да, – кивнула Лена.

– Добро... Так что, младший следователь Бирюкова, поедешь туда, оглядишься, и сообщишь нам что да как. Словом, садись в самолет – и через два часа ты на месте. Это приказ.

Глава 5

Солнце вставало над Финским заливом. Белая ночь, блеснув последними серебристыми сумерками, уступала место новому жаркому дню. Раннее солнце парило уже вовсю. Питер – не лучшее место для жаркого лета. И небольшая каюта на втором ярусе теплохода компании «Викинг Лайн» – не лучшее место для переживания утреннего похмелья.

Металлическая коробка нагревалась с каждой секундой. Душно. Липкий пот струился по спине, вызывая противный зуд. На слегка покачивающейся корабельной койке ничком лежал Юрий Гордеев, еле сдерживая рвотные позывы.

В глубине каюты притаилась девушка по имени Гайка, она непрестанно вяло нудела:

– Ну ты че? Деньги-то точно будут? Обещал ведь. Тебя ж никто за язык не тянул. Сказал бы, что денег нет, – я бы с финиками осталась. Они, как пьяные дети, – не обижают. И при деньгах всегда. Не то что наши. Ну ты че?! Не молчи!

Гордеев не помнил ни про «фиников» (так в Питере называют финнов-туристов), ни про вчерашнее. Больше всего на свете ему сейчас хотелось сойти на берег.

Иногда Гайка спохватывалась и спрашивала:

– А ты точно не мент? А то у тебя как труба заиграла – я думаю, все, капец, на мента нарвалась.

У Юрия не было сил отвечать ей. Сейчас он был способен

только лежать ничком и ждать, когда теплоход подойдет к причалу. А там его встретит Лена Бирюкова. Спасительница. Гордеев думал о ней с нежностью.

Мягкий рывок, толчок, легкая отдача – теплоход причалил. Тут же раздался сокрушительный теплоходный гудок, от которого голова несчастного Гордеева чуть не лопнула, как перезрелый арбуз.

– Ох! – Гордеев с трудом слез с койки, подхватил свой багаж и пошел к выходу. Гайка, путаясь в узкой прозрачной юбке, поспевала за ним. Упустить боялась...

Гордеев сразу выхватил Лену взглядом из толпы встречающих. Да стоит заметить, что не так уж много было встречающих «Викинг Лайн» в это раннее летнее утро. Стайка девиц – явных коллег Гайки по бизнесу. Конечно, это ведь Питер, город интердевочек и «фиников», пьяных как дети. Кстати, финны, которые стояли рядом с Гордеевым на палубе в ожидании подачи трапа, довольно гыкали, разглядывая портовых барышень. Они предвкушали пару-тройку дней полного оттяга, которые предстояли им здесь.

Конечно, Лена резко отличалась от них. Стройная, даже можно сказать хрупкая, блондинка с короткой, почти мальчишеской прической и с очень умным, очень цепким, очень женским взглядом из-под тяжелых очков. Гордеев невольно залюбовался Леной. И тут же обратил внимание, что и пьяные финны направляют свои взгляды и тянут шеи именно в сторону Лены. Юрий почувствовал, как у него чешутся ру-

ки, чтобы свернуть эти шеи, развернуть их на сто восемьдесят градусов.

«Спокойно, Гордеев, что за мальчишество, что за собственнические инстинкты, и вообще, Лена все же тебя встречает, а не финнов снимает». Прохладный утренний ветер на верхней палубе несколько развеял тяжкую головную боль адвоката. И спустился он по трапу вполне посвежевший, отягощала его состояние только девушка Гайка, вцепившаяся в него мертвой хваткой.

– Ну здравствуй, Лена!

– С прибытием, господин адвокат! Порезвился в заморских странах? – насмешливо глядя на его «спутницу», поинтересовалась Лена.

– Почему это в заморских? Я был в очень даже приморских...

– Погулял с заграничным шиком, расслабился, человеком себя почувствовал, да? Вот девочек каких шикарных снимаешь! – Лена хоть и подначивала Гордеева, но глаза ее глядели ласково, видно было, что рада она его видеть.

Гайка попыталась огрызнуться, ответить что-то Лене обидное, но Юрий крепко сжал ее локоток, и та сдержалась.

Лена достала из сумки две зеленые бумажки – протянула их Гордееву:

– На товарищ! И ни в чем себе не отказывай, ежели еще что не успел.

– Премного благодарствую. – Юрия ситуация стала тяго-

тить, все же Лена ему не жена. Выручила – спасибо, отдаст с лихвой, а дразнить его – это лишнее.

Гайка потянулась к деньгам, но Лена отвела ее руку и отдала деньги именно Гордееву, которому пришлось взять доллары у одной девушки и передать другой. Гайка после получения денег (сдачу она отдала тут же) исчезла моментально, как сон, как утренний туман. Портовые девицы и примкнувшие к ним финны тоже быстро растворились, умчались на встречу с утренним городом.

Лена и Гордеев остались одни.

– Ну рассказывай! – сказал адвокат.

– А где «спасибо»? Где «спасибо» за выручение из тяжкого плена? – Лена продолжала улыбаться.

– Так я из одного рабства и сразу в другое, мне ж теперь тебе отрабатывать придется. – Гордеев пошутил достаточно двусмысленно и жестко, но скребла его все же обида за Ленины подколы и покровительственный тон. Тон этакой всепрощающей мудрой мамочки.

– Ты, Юра, шути, да не заговаривайся. Но поработать действительно придется. Поехали в гостиницу – по дороге расскажу все.

– И где же твоя царская карета? Твой императорский джип?

– Юрочка, ты и впрямь за границей умом поплохел. Что ж я, в Питер на джипе поеду?!

Представить Лену без ее любимого «джипа-рэнглер» Гор-

дееву было сложновато. С машиной Лена практически не расставалась, общественный транспорт, а тем более такси, презирала, не доверяя водителям, обвиняя их в хамстве и алчности.

– Ты что же, в северную столицу на поезде прикатила? Машиной было бы быстрее, – удивился Гордеев.

– Да и поездом было бы быстрее, а меня Меркулов заставил самолетом лететь – я все прокляла: два часа до Шереметьева, пробки эти чертовы! За полчаса до регистрации еле успела, час двадцать лету, а тут пробки еще хуже – Москве не чета, весь город перерыт – еще два часа от Пулкова тащилась. А дневной поезд четыре с половиной часа всего идет. Вот тебе и экономия времени.

– Ага, говорят, что, когда эти скоростные поезда только появились, люди пари заключали – кто быстрее доберется от Дворцовой площади до Красной, один поездом ехал, другой самолетом летел.

– Ну и кто выиграл?

– Уж не ты! Поездом на пятнадцать минут быстрее оказалось.

– Меркулов о поезде и слышать не захотел... – грустно кивнула Лена, – следователь Генпрокуратуры должен летать самолетами – и точка.

– В общем-то он прав. Надо марку держать, – поддержал своего бывшего начальника Гордеев.

– Да и к чему мне тут машина? Если надо, я заказываю

транспорт на Лиговке. Я же следователь Генпрокуратуры, мне положено.

– Ну ясное дело...

Так, болтая о пустяках, Лена с Юрием дошли до машины, после секундного замешательства у дверей уселись вдвоем на заднее сиденье и неожиданно для себя поцеловались. Гордеев бы продолжил это приятное занятие (удивительное дело, Лена действовала на него словно лекарство – все похмелье как рукой сняло), но Лена отодвинулась немного, прикрыла его рот ладошкой и стала серьезной, очень такой серьезной.

– Так вот, рассказываю, следи внимательно – и не за моими коленками. Итак, пропал физик-ядерщик Сергей Владимирович Дублинский, 1958 года рождения, женат, детей нет, заместитель заведующего кафедрой в Санкт-Петербургском университете. И по совместительству – руководитель научно-исследовательского центра «Орбита», основное направление деятельности которого – разработка возможных вариантов утилизации ядерных отходов. Серьезный такой центр, прежде засекреченный, но сейчас выходящий на международный уровень. Смелые там эксперименты, как я поняла, проводятся.

– Ты и в центре успела побывать? – перешел к делу Гордеев.

– Погоди, об этом позже. Так вот, пропал Сергей Владимирович четвертого июля, то есть уже трое суток назад.

– В розыск объявили?

– Не перебивай, пожалуйста! Розыск объявили уже на следующий день, больно супруга была безутешна и настойчива, к тому же и персона Дублинского особого внимания требует. Продолжаю. Прилетел Сергей Владимирович утром домой после трехдневного симпозиума из славного города Кельна, добрался до дома из аэропорта, не пообедав, переоделся и убежал по неведомым делам, обещав возвратиться часа через два. С тех пор его и не видели.

– Ну по бабам побежал. Известное дело, – пожал плечами Гордеев. – Подарки там заграничные, всякое такое... Странно, конечно, что не пообедал.

– Тебе бы, Гордеев, все по бабам. Всех по себе меряешь, – проворчала Лена.

– А куда? Не на работу же он поехал.

– Тут другая ситуация, несколько сложнее, чем ты думаешь.

Машина проехала уже стрелку Васильевского острова, без приключений перебралась через Дворцовый мост, выехала на Невский и намертво застряла в вечной пробке у Казанского собора.

– Вот черт! – выругалась Лена. – Ну что за город, хоть велосипед напрокат бери!

– А куда мы, собственно говоря, едем? – поинтересовался Гордеев.

– В «Октябрьскую». Точнее, в ее филиал, но там рядом.

– Так, может, нам ножками прогуляться, кофе по дороге попить, на Невский поглазеть, я тут сто лет не был, – предложил Гордеев.

– Глазеть тут сейчас не на что – все в лесах. И прогуливаться некогда, но пешком и правда быстрее будет, да и кофе попить не мешало бы, я позавтракать не успела. Ладно, пошли.

Лена отпустила водителя, и они с Гордеевым вышли из машины.

Нашли уютную кофейню, меню которой предлагало к завтраку бесплатный номер свежего «Коммерсанта». Но от газеты Юрий с Леной отказались, отвлекаться было некогда, взяли кофе, салаты, круассаны, омлет, уселись за столик, и Лена продолжила:

– Знаешь, была у него любовница, это ты правильно угадал.

– А тут и угадывать нечего, – ответил Гордеев, ковыряя вилкой омлет. Утреннее похмелье все еще давало о себе знать.

– Да, он действительно поехал к ней. Но и от любовницы он по каким-то важным делам убежал.

– А вот это уже поинтереснее будет. Рассказывай, что удалось нарыть.

– Короче говоря, вчера я ходила в этот самый центр...

Глава 6

Научно-исследовательский центр «Орбита» располагался на Васильевском острове, не так уж далеко от университета. Отдельный солидный особняк, высокое каменное крыльцо и скучающий охранник. Однако при виде Лены охранник заметно оживился, документы проверил крайне тщательно, сделал даже несколько звонков для подтверждения Лениных полномочий – видимо, находился он тут не для проформы и дело свое знал.

Попав внутрь здания, Лена Бирюкова задумалась: никакого четкого плана перед посещением «Орбиты» она не составила, куда именно идти и с кем беседовать – заранее не решила. Однако сообразила, что Дублинский этим центром руководил, а значит, по статусу ему полагалась секретарша. «Вот с нее-то и начнем, – решила Лена. – Хорошая секретарша про своего начальника должна знать все. По крайней мере, больше, чем бухгалтер или заведующий кадрами».

Секретарша Любочка совсем недавно явилась на работу. Похоже было, что она только что переодевалась. Во всяком случае, на ней красовался вызывающе открытый светлый сарафан с еще не оторванными бирками, и Любочка старательно крутилась перед зеркалом. Лена Бирюкова стояла в дверях, ожидая, когда у секретарши закончится приступ самолюбования.

Люба ее заметила в зеркале и кивнула:

– Доброе утро.

Лена кивнула и тоже сделала попытку протянуть ей удостоверение, но от созерцания самой себя Любочка не отвлеклась, наоборот, попыталась и Лену вовлечь в этот увлекательный процесс:

– Ну как? Нравится?

– Ничего, по сезону... – машинально ответила Лена. – Только не слишком ли откровенный наряд для работы?

– Ой, ну что вы! – отмахнулась секретарша. – Для какой работы? Просто сейчас по дороге прикупила, вот не удержалась – померила, благо и «эс-вэ» на месте еще нет.

– Эс-вэ?

– Ну Сергей Владимировича, мы его за глаза «эс-вэ» зовем, ну или даже «купе».

Любочка глупо хихикнула, но заметив, что Лена ее веселье не поддерживает, обернулась к ней и, догадавшись поздороваться, спросила:

– А вы к нему пришли?

– Нет, пришла я к вам. И вот по какому делу...

Лена тоскливо пила подряд вторую чашку дрянного растворимого кофе. Любочка, сначала пришедшая в ужас от известия, что шеф пропал, всплакнув и поохав, сейчас снова оживленно щебетала не переставая. Мысль ее скакала от обсуждения погоды до любования своими новыми босоножками: то она бралась обсуждать с Леной планы на отпуск, то

жаловалась на начальство, которое этот самый отпуск не даст. Отчаявшись уже выудить из ее болтовни хоть что-то полезное, Лена решила, что пора самой задавать вопросы:

– Люба, а вот расскажите, какие отношения у Сергея Владимировича были с сотрудниками? Легко ли было с ним работать? Может, конфликты какие возникали в последнее время? Никто на место Дублинского претендовать не мог? Заместители какие-нибудь?

Лена приняла такую вольную форму беседы с Любочкой, потому что понимала: официальный тон, тем более официальный допрос, тут не помогут, пусть болтушка распустит свой язычок, чувствуя интерес и доверие. надо дать ей посплетничать в нужном русле – вот что сейчас необходимо. Расчет оказался верным.

– Ой, что вы! – щебетала Любочка. – Начальник он замечательный, вот отпуска только мне не дает, говорит, что я еще одиннадцать месяцев не отработала – рано мне в отпуск, а так – добрый очень, уважительный, после работы не задерживал никогда, за ошибки не ругал и раньше времени домой отпускал, если, правда, было нужно.

– А как к нему относятся в институте?

– Ну что вы! У нас тут его все любят. Он вообще-то и не начальник – в смысле не командир. Он наукой занимается – для него ничего важнее нет и не было.

– Никогда не поверю, что завистников у него нет. Неужели на директорское место никто не претендовал?

– А вот, представьте, не завидуют. И кто на его место претендовать будет! Деньги тут невеликие, а хлопот много. Правда, вот с хозяйственником он нашим последнее время часто спорил, тот чуть ли не через день к нему на прием ходил... А вообще коллектив у нас хороший, дружный. Вот девушки из бухгалтерии всегда меня зовут чай пить.

Лена сначала слушала этот словесный поток, не перебивая, но вдруг уцепилась за фигуру «хозяйственника», решила переспросить – о ком речь.

– Ну Бурцев, заместитель его по хозяйственной части. Завхоз проще говоря. Он недавно к нам пришел. Сергей Владимирович последнее время им недоволен, говорит, что тот не в свое дело лезет.

Лена пометила фамилию завхоза у себя в блокноте.

– А что насчет амурных дел? Случались ли у Дублинского романы с подчиненными?

– Ой, только не в центре, – замахала руками Любочка. – Тут он монстр и Франкенштейн, ничего, кроме своего осмия, не видит и не слышит.

– А что такое осмий?

– Ну это такой... элемент в общем, радиоактивный, изотоп, у нас под него целая лаборатория отведена. Очень важное стратегическое сырье, осмий-187, используется для антирадарных покрытий, в военной технике, в медицине, в онкологии.

Любочка старательно произнесла все это как заученный

текст, но казалось, что сами слова ей незнакомы – будто на иностранном языке. Лене Бирюковой неожиданно стало смешно.

– О, Любовь Ивановна, такая осведомленность! Вы тоже по научной части обучались?

Секретарша иронии не поняла и зарделась:

– Да не надо меня так официально – Любочка и все, меня и Дублинский так зовет. А насчет осведомленности я тут просто как раз Бурцеву перепечатывала докладную записку насчет осмия, вот и запомнила. А Дублинский, как эту записку прочел, скомкал и выкинул, сказал, что Бурцев торгаш.

– Хорошо, Любочка, так что все-таки насчет романов у Сергея Владимировича?

Любочка замялась, но сдерживаться, видимо, ее никто никогда не приучал. Лена слушала внимательно, похвала насчет Любочкиной осведомленности была приятна, а похвалиться тем, что она действительно в курсе всех дел своего шефа и важнее Любочки никого в центре «Орбита» нет и не было, очень хотелось.

Любочка наклонилась к Лене поближе и заговорщицким тоном прошептала:

– В университете у него есть одна... Аспирантка. – и зачем-то подмигнула Лене.

– Вот как! Любочка, а вам это откуда известно?

– Ну во-первых, я и сама у Сергея Владимировича училась, два года на эту физику потратила, а потом на заочный

ушла и сюда вот пристроилась... Ну и заочный потом сбросила – зачем мне?

Заметив Ленин насмешливый взгляд, Люба сбилась:

– Нет, вы не подумайте ничего такого. У меня с ним ничего нет и не было. У него и тогда уже Ирина была.

– Это которая аспирантка?

– Да. Просто мы с ней приятельствовали немного, вот она и попросила тогда за меня, чтобы «эс-вэ» в центр взял.

– И сейчас приятельствуете? – спросила Лена.

Любочка вздохнула:

– Нет, поссорились. Я услышала, как она говорила, что я воздушная и глупая и ревновать ко мне – все равно что к пакетику чипсов. Я обиделась.

– А кому же она это говорила?

– Ну кому – «эс-вэ», конечно! Тут же все разговоры через мой номер. – Любочка указала на большой факсовый аппарат, стоявший у нее на столе.

– Подслушиваете? – подмигнула Лена.

– Нет, реферирую, – серьезно парировала секретарша. Видимо, значение этого слова ей также было неизвестно.

Записав фамилию и адрес аспирантки Ирины, Лена Бирюкова собралась уходить. На данный момент в «Орбите» ей было делать нечего. С Бурцевым они еще успеют поговорить, а сейчас надо проверить любовницу. Это пока версия номер один. Может, и правда, просто загулял профессор после заграничной командировки.

...— Ну и? Что нам поведала аспирантка? — спросил Гордеев, закуривая первую утреннюю сигарету и допивая остаток кисловатого остывшего кофе.

— А до аспирантки-любовницы по имени Ирина Галковская я еще не дошла. Потому что три дня назад около шести часов пополудни был обнаружен труп Дублинского...

— Как? И чего ты молчишь о самом важном? — встрепетнулся Гордеев.

— Я стараюсь рассказывать по порядку, — отрезала Лена и тоже закурила. Потом она достала из объемной сумки папки с бумагами, передала их Юрию.

— Вот, посмотри. Там какая-то компания вышла за город — то ли водочки принять, то ли грибов поискать, ну и наткнулась на свежее кострище. Труп, обгоревший до неузнаваемости. Но так как Дублинский был уже объявлен в розыск, то все неопознанные трупы проверялись. Оксана — его жена — опознала.

— Как опознала? — спросил Гордеев, рассматривая фотографии и борясь с приступами тошноты. К счастью, ему наконец принесли большую бутылку все того же ржавого «Полюстрова», которую адвокат незамедлительно и выпил. Гордееву полегчало. — Погляди, труп обгорел до неузнаваемости.

— Ну по часам, обручальному кольцу и прочим предметам, — Лена показала фотографии найденных предметов.

— Это косвенные улики, — заметил Гордеев. — необходима

серьезная экспертиза.

– Ничего не поделаешь, пока чем богаты. Челюсти у него целые, никаких коронок, чтобы можно было идентифицировать. Так что остается одно – анализ ДНК.

– А результатов экспертизы, конечно, еще нет?

– Не смеши! Их и в Москве не меньше месяца ждать, и это в самом лучшем случае, а тут – так просто сонное царство, – махнула рукой Лена.

– Меркулов может посодействовать, чтобы экспертизу быстрее провели.

– Звонила я Константину Дмитриевичу. Но дело в том, что сама экспертиза на ДНК много времени занимает. Так что в любом случае скоро ее результатов ждать не приходится.

– Ясно... Кто-то кроме жены на опознании присутствовал?

– Да, еще коллеги. – Лена фыркнула, припомнив трагически-театральный обморок «воздушной» Любочки при опознании. Та при виде трупа прямо-таки сдулась, как пустой пакетик из-под чипсов.

– Так, все понятно, бумаги потом посмотрю. Ну давай теперь, говори, какая помощь от меня требуется?

Лена накрыла своей ладонью его руку:

– Помощь требуется любая и по максимуму твоих возможностей. А уж о твоих возможностях мне известно все.

– Льстишь ты мне, Леноч! – погрозил пальцем Гордеев. – Что ж, до конца моего отпуска еще четыре дня, в Москве

мне делать нечего, так что с удовольствием помогу. Только вот конкретно сейчас мои возможности на нуле. Мне бы отоспаться часок-другой на койке, которая не качается. Штормит меня чего-то. А потом подробно поговорим, ладно?

И правда, после завтрака и крепкого кофе Гордеева совсем разморило, и они с Леной побрели в сторону гостиницы, по пути решив, что, пока Юрий отсыпается, Лена все же съездит к Галковской, которой она пока так и не дозвонилась. мало ли что там проклюнется?

Глава 7

– Сережа, Сереженька, ну почему ты, почему? – заламывала руки Ирина Галковская. – Сейчас, подождите, я «ново-пассит» выпью – нервы.

Она ушла на кухню, шелестя юбкой.

Вот уже около получаса Лена пыталась вывести разговор с Ириной Галковской, аспиранткой и, по совместительству, любовницей покойного Дублинского в нужное русло. Все было бесполезно. Та рыдала, кидалась к окну, истерически завывала, потом замолкала, прикуривала и тушила сигарету за сигаретой...

Лена терпеливо наблюдала за ней. Было видно, что Ирина по-настоящему любила Дублинского, ей не нужно было от него никаких материальных благ – иначе бы она как-нибудь исхитрилась и развела его с женой.

«Пусть выговорится, – думала Лена, наблюдая за Галковской. – У нее, наверное, и подруг нет, раз она готова рыдать на плече даже у совершенно постороннего человека, даже у работника прокуратуры».

Квартирка Галковской, уютная, но обставленная строго, без излишеств, находилась в одном из самых зеленых районов города – на Крестовском острове. Солнце врывалось в открытое оно, освещало толстый англо-русский словарь специальных терминов у изголовья кровати. На компьюте-

ре плавала заставка. Присмотревшись, Лена поняла, что это фотография, сделанная таким же солнечным летним днем где-то в центре города. С фотографии улыбались двое – мужчина и женщина. В женщине Лена тут же признала хозяйку дома – здесь она улыбалась и была так счастлива, что казалась куда моложе своих лет. Мужчина – это определенно Дублинский. А он был эффектен. Странно. Лена совсем не так себе представляла знаменитых ученых. У них должны быть всклокоченные седые волосы, очки со сломанной дужкой, непременно склеенные скотчем, глаза безумные, мятая рубашка и дешевые брюки, отвисшие на заду пузырем. О качестве и отвислости брюк судить было нельзя – на фотографии влюбленные были изображены только по пояс, Сергей же имел на ней вид представительный, элегантный. Трубка в зубах, ласковый прищур – ну-ка, дети, кто это? Товарищ Сталин. Брр... Лена помотала головой. В этом сумасшедшем доме она сама начинала тихо сходить с ума.

Ирина на кухне уронила тарелку. Выругалась совсем не в академических выражениях. Запахло паленым. Через несколько минут Галковская вернулась, везя за собой столик на колесиках, уставленный всевозможными восточными сладостями. В центре высился фарфоровый заварочный чайник, увитый фарфоровым плющом.

– Вы какой чай предпочитаете?

– Да мне как-то все равно, – пожала плечами Лена. Откровенно говоря, в такую погоду более уместным был бы стакан

ледяной минеральной воды, но, может быть, у этих научных работников так принято – неторопливо беседовать за чашкой чая? Пускай. Пусть дает показания в привычной для нее обстановке.

– Надеюсь, не зеленый? – уточнила Ирина.

– Да все равно, – повторила Лена. – Зеленый так зеленый.

– Не нужно так говорить. – лицо Ирины Галковской прояснилось, очевидно, она любила поговорить о сортах и свойствах чая. – Питие зеленого чая – это особый ритуал. Просто так, из граненого стакана в подстаканнике, украденном в поезде, он не только не принесет пользы, но даже может и навредить.

– Да что вы говорите! – раздраженно ответила Лена. Жалости к любовнице убитого уже не было. Вот сейчас они будут сидеть и обсуждать чайные ритуалы! Этого еще не хватало.

– Ах да, простите, о чем это я... – сникла Галковская. – Ну так вот. Что ж, все знали о наших с Сережей отношениях. Глупо отпираться. Вы не находите? Глупо. Аспирантка и профессор – такой избитый сюжет. Впору снимать мелодраму. Вы любите мелодрамы? Я – терпеть не могу.

– Все знали о ваших отношениях, – напомнила Лена.

– Да. Поверить не могу, что нет Сереженьки... – Галковская разливала чай. – Не может такого быть. Не может. Сердце мое заledenело, но продолжает биться. Почему оно не остановилось в то самое мгновение, когда его убили? А?

– Почему вы так уверены, что его убили? – подняла брови Лена. – Следствие пока не располагает достаточными данными для того, чтобы это утверждать.

– Да ну, бросьте... Человека находят в лесу, сожженного. Он же не мог сам полезть на костер, он же не Жанна д'Арк...

– Кстати, Жанна д'Арк тоже не сама на костер взошла, – машинально заметила Лена.

– Тем более, – упрямо мотнула головой Галковская. – И потом, зачем бы вам тогда приезжать из Москвы и меня допрашивать? Если бы это был несчастный случай, или сердце не выдержало, вы бы обратились к медикам, а не к любовнице, верно? Но он был здоров, совершенно здоров и полон новых идей. В тот день, когда он вернулся со своего симпозиума...

Лена насторожилась. Кажется, Ирине надоело болтать просто так и она наконец заговорила по делу.

– В тот роковой для него день. Черт, нет, избитая фраза. Просто – в тот день, когда он был здесь... Ах, это я во всем виновата! Моя вина! – вдруг воскликнула она. Глядя на Галковскую, Лена Бирюкова наконец поняла буквальный смысл выражения «слезы брызнули из глаз».

– Ирина, не надо... – как можно более твердо произнесла Лена.

– Да, да... – Галковская быстро успокоилась и, промокнув глаза бумажной салфеткой, повторила:

– Это я... Я во всем виновата.

Лена подалась вперед, машинально отодвигая чашку с чаем в сторону. Вот теперь-то, видимо, и начинается настоящий разговор.

– В чем именно заключается ваша вина?

– В тот день, когда... Ну, вы знаете... В тот день он позвонил мне из аэропорта и сказал: «Ирка, я прилетел! Жди меня с обедом!» У Сережи всегда был отличный аппетит. – Ирина всхлипнула, закурила сигарету, выпустила тонкую струйку дыма. Провела рукой по глазам. – Я так обрадовалась! Достала из шкафа новое платье, я под него весь месяц худела, такое воздушное, романтическое, совсем не для меня, а для какой-нибудь беззаботной девочки сшитое. Но я его все-таки купила специально для него. Оно такое розовое, открытое, с коротким рука...

– Он позвонил вам и сказал, что придет. Когда? – снова перебила Галковскую Лена. Вести разговоры о фасонах платьев в ее планы не входило.

– Ах, да. Он не уточнял времени. Просто сказал – жди с обедом. Я поехала на рынок. У нас тут поблизости нет рынка, а Сережа не любит магазинное мясо. Приготовила все, стол сервировала. Вино мне один студент презентовал. Ну, знаете, как это бывает. Грузинский строгий папа сказал перед началом сессии: получишь хоть одну четверку – зарэжу! А парнишка никак даже на четверку не тянул. Ну вот сразу у него не заладилось с моим предметом, а он же у них не профилирующий. Поставила я ему пятерку, пожалела парня

– вдруг отец и вправду зарежет, а мальчик не забыл, принес мне через неделю бутылку вина, поклонился, руку поцеловал. Такой галантный, симпатичный. Нос орлиный, глаза так и горят! Но не мне, конечно, о таких думать, – вздохнула она. – Молодые, они знаете ли, все как-то к молодым тянутся.

– Вы приготовили обед и ждали Дублинского, – терпеливо напомнила Лена.

– Да... Обед был шикарный. Сереженька вбежал ко мне на пятый этаж как мальчишка, поцеловал, подарил букет. Вон, видите, в углу стоит. Необыкновенные цветы. Видите эти штучки? Это такой специальный декоративный сорт капусты. Представляете? Букет с капустой!

– Он был весел и беззаботен, я правильно поняла?

– Да, совершенно беззаботен. Я так обрадовалась – думала, он останется у меня ночевать. Мы сидели, держались за руки. Он рассказывал мне о исследовательской лаборатории в Кёльне, в которой ему довелось побывать. Мы решили кое-что у них перенять.

– Вы что, за романтическим ужином разговариваете о работе? – опешила Лена.

– Это был романтический обед, – поправила Галковская. – А потом, если вы, например, обедаете со своим коллегой, который вам не только коллега, но и... Я говорю, допустим, вы с ним обедаете. Неужели вы станете обсуждать посторонние вопросы? Мы с Сережей были преданы одной и той же идее.

Потому, наверное, он и полюбил меня. Ведь его жена тоже раньше защищалась на нашей кафедре. Но потом – дом, заботы, муж – всемирно известный ученый. Словом, она отошла от науки.

Лена посмотрела на Ирину и подумала, что та, в общем, верно рассуждает – не будет, она, например, с Гордеевым говорить за обедом, пускай и романтическим, о посторонних вещах. Даже некое чувство симпатии пробудилось в ней к этой растрепанной, нервной женщине. Стоп! Стоп, подруга!

– А вы в самом начале что-то сказали о своей вине, – напомнила она. – В чем все-таки эта вина заключается?

– Ах да, я как раз к этому веду, – сказала Галковская. – Понимаете, я так ждала его, так мечтала, что вот сейчас он освободится, приедет ко мне, и мы всю ночь... Словом, в этот день он будет только моим – и больше ничьим. Но он то и дело глядел на часы... Ему такие часы в Германии подарили – удивительные просто! И вдруг вскочил, как чертик на пружине. «Ну все, родная, мне пора». А его удерживать бесполезно. Ну я проводила его до порога. Закрыла дверь, села за стол, смела бокалы и тарелки на пол, достала бутылку водки. И, не поверите, обозлилась и говорю: «Лучше бы ты умер, чем снова к ней возвращаться!» Это я не помня себя сказала, понимаете? Но всякое произнесенное нами слово – это не просто так, знаете, да? Особенно когда с сердцем говоришь, это еще страшнее, все там, – Ирина показала вверх, на грязноватый, в желтых подтеках потолок, – там все слы-

шат. И каждое наше желание взвешивают. Самое искреннее – выполняют. Так что опасайтесь желать кому-то плохого. Это может запросто сбыться.

Лена взяла с подноса козинак и проглотила, почти не жуя. Это было совершенно невозможно выносить! А она-то думала, что Галковская сейчас расскажет ей нечто существенное, что позволит хоть на полшага приблизиться к разгадке неожиданной и страшной смерти Дублинского.

– Ваша вина заключается только в этом? – наконец спросила она.

– Да, – скорбно кивнула Галковская. – И я готова дать показания в суде.

– Боюсь, в суде вам не поверят и отправят, чего доброго, на психиатрическое освидетельствование. Которое вы пройдете навряд ли, – устало сказала Лена.

– Да я готова хоть всю оставшуюся жизнь в тюрьме провести, лишь бы Сереженька был жив! – с воодушевлением воскликнула Галковская.

– Опасайтесь своих желаний, – напомнила Лена, – они могут исполниться.

– Да, да, я знаю, – истово закивала Ирина. – Я готова, правда.

Вдруг Лене в голову пришла шальная мысль. А не эта ли аспиранточка уколошила Дублинского? А что? От любовницы всего можно ожидать. Вот не понравилось ему платье, которое она надела, или, например, не заметил Дублинский ее

новую прическу, а может, чего доброго, случайно обмолвился о какой-нибудь интрижке на том же симпозиуме. И все. Убила, отвезла в лес, сожгла труп. И теперь считает себя виновной в его смерти. Очень даже логично выглядит. От этих восторженных аспиранток всего можно ожидать.

– Я ради него на все готова, – продолжала развивать мысль Галковская. – Только бы он был жив... Но, к сожалению, моего Сережу уже не вернуть. Никогда.

Она уронила голову на руки и беззвучно зарыдала.

«Нет, – думала Лена, глядя на рыдающую Галковскую, которую она на этот раз успокаивать не стала. – Невозможно так притворяться. Хотя, если она сумасшедшая, всякое может быть. Нет актеров лучше, чем психически больные. Или наоборот – лучшие из актеров психически больны. Вот убила она Дублинского и тут же забыла об этом. Решила, что это ей приснилось. На всякий случай отказываться от этой версии пока не стоит. К тому же пока никаких версий нет вообще. Вот Галковская и будет у меня под номером один...»

Раздался резкий, как визг тормозов, звонок телефона. Ирина вздрогнула, вытерла газа кулачками и потянулась за телефонной трубкой. Лена давно не видела таких аппаратов – черных, массивных, с круглым диском. Еще не коллекционный, но уже исторический предмет.

– Да, Виктор Сергеевич... Завтра будет готово... Ну там же двадцать страниц технического текста! А у меня тут еще проблемы личного характера. Поняла, Виктор Сергеевич.

Сегодня ночью постараюсь закончить, завтра утром будет у вас.

Она повесила трубку, села на свое место.

– Я подрабатываю переводами в одном специализированном журнале, – как бы оправдываясь, сказала Ирина. – Редактор звонит, ругается. Он всегда ругается. Но платит исправно.

Нет, это определенно была речь абсолютно нормального человека. Не может законченный псих заниматься серьезным переводом. Просто она от горя вне себя.

– Когда, вы говорите, Дублинский был у вас? – спросила Лена.

– Он приехал после пяти часов... – после недолгого раздумья ответила Галковская. – Ну да, не позже четверти шестого, я как раз сидела и смотрела на часы, считала минуты. Все из рук валилось. – Ирина указала пальцем на массивные старинные часы в углу комнаты. – Вот на них и смотрела. Это хозяйские. Я же снимаю квартиру, родные-то у меня в Киришах... Что случилось? Что вы на меня так смотрите?

Лена опустила глаза. Нет, нельзя так выдавать свои чувства, особенно по отношению к потенциальному подозреваемому.

– А кто может подтвердить, что покойный был у вас именно в это время? – поинтересовалась Лена.

– Подтвердить? – искренне удивилась Галковская. – Ну что вы! Я же мужчину в дом пригласила. Не для того ведь,

чтобы кому-то его здесь предъявлять?

Резонно. Мужчин в дом приводят совсем не за этим. И все-таки, похоже, алиби у нее нет...

– Хотя постоит. Есть свидетельница! – чуть подумав, обрадовалась Ирина Галковская.

– Кто? – кисло спросила Лена, умопостроения которой рушились как карточный домик.

– Соседка моя. Тамара Александровна. Она же по совместительству – хозяйка этой квартиры.

– Что она может подтвердить?

– А что она подтвердит? Что из любопытства зашла ко мне за мукой, потому что в окно видела, как в наш подъезд входит элегантный мужчина с цветами.

– И что? Она постоянно у окна сидит?

– Почти. Ей больше делать нечего.

– Ну хорошо. Предположим, она увидела, что в подъезд вошел мужчина с букетом цветов. Что из этого?

– Ясно, что он пришел именно ко мне, – пожала плечами Галковская, удивляясь недогадливости следователя.

– Почему «ясно, что к вам»? – насторожилась Лена.

– Дом маленький, благодаря Тамаре Александровне я все про всех знаю, – объяснила Галковская. – На первом этаже живет опустившаяся алкоголичка, на втором – многодетная мать, третий и четвертый – вне подозрений, там такие же точно бабки, многие жильцы к тому же в отпусках.

«В отпусках! – эхом отозвалось у Лены в голове. – Нор-

мальные люди в отпусках сейчас. В Праге, возможно... А я парюсь в этом Питере, и сколько еще тут проведу – неизвестно».

– Хорошо, – сказала Лена, делая заметки в своем блокноте. – Вы не против, если я переговорю с этой Тамарой Александровной не в вашем присутствии?

– Буду только рада. Я терпеть не могу ее присутствия.

Раздался звонок в дверь, такой же резкий, как и звонок телефона. Ирина вновь вздрогнула. С нервами у нее определенно было не в порядке.

«Станешь тут нервной, когда тебя окружают подобные звуки», – подумала Лена.

– Это, возможно, и есть хозяйка. Она часто ко мне заходит, – сказала Галковская.

– Здравствуйте, Тамара Александровна! Заходите! – слышался из прихожей голос Ирины.

– Я вот муку-то у тебя занимала, так принесла вернуть. Живешь-то ты, бедненькая, одна, все сама, и за квартиру платить еще приходится. Я же понимаю. Можно от тебя позвонить, а то у меня что-то с телефоном стало, никак не дозвониться ни до кого.

– Проходите. Я пока покурю, – Ирина удалилась на кухню.

– Здравствуйте, девушка, – кивнула Лене Тамара Александровна и начала ее оценивающе разглядывать, – Подружка вы ее, да? Вы бы хоть ей сказали – все курит и курит, уже занавески от этого дыма серые насквозь. А когда она сю-

да въезжала только, мои ребята ремонт сделали, все новое, свежее повесили. Мои-то в Америку уехали, а квартиру тут оставили – мало ли, вдруг захочется вернуться. Я ее и сдаю. А эта совсем не следит за порядком. Вон, потолок в разводах! Еще осенью крыша протекала, а она все не соберется ремонт сделать!

От ничего не значащих подробностей жизни совершенно посторонних людей у Лены уже начала кружиться голова.

– А еще, знаете, она неустойчивая очень, – шепотом произнесла квартирная хозяйка. – Мужиков каких-то водит, знаете, на днях тут один такой приезжал, в костюме, с букетом. С букетом приехал, я думала – женихаться. Ан нет – видно, не судьба девке мужика себе приличного найти.

Ирина гневно загремела на кухне сковородками.

– Он не сможет женихаться, – четко сказала Лена. – Он убит. Его тело найдено в лесу.

– Ох ты ж..! – замахала руками старуха. Она уже, казалось, забыла о телефоне, ради которого напросилась в комнату.

– Я из Генпрокуратуры. – Лена продемонстрировала документы. – Готовы ли вы, Тамара Александровна, засвидетельствовать, что видели убитого в этой квартире в день его смерти, в шестом часу вечера?

– А готова! – стукнула сухой ладошкой по столу квартирная хозяйка. – Потому что видела его тут, сидели они с Ирочкой за столом. Вот тут вот как раз и сидели, на этом самом диване...

– Во сколько это было?

– А дело было-то аккурат после пяти. Я-то тесто поставила, а мучки, доску посыпать, не оставила, все выгребла, до ложечки. И решила к Ирочке зайти, мучки попросить, ну, знаете, по-соседски этак. И, знаете, по телевизору как раз «Место встречи изменить нельзя» началось, вторая серия. Ко мне внуки приехали, они телевизор смотрели, я тоже рядом присела. Внучатки у меня хорошие, умненькие, Катенька английский изучает, Алешенька карате занимается. В третий класс перешел. Они очень любят телевизор у меня смотреть, дома-то некогда. Принесла я им черешенки и тоже решила немножко с ними посмотреть. А когда началась рекламная пауза, я вспомнила, что внуки-то пирогов хотят, пошла к Ирочке. А там уже этот сидел, галстук даже распустил этак... То есть явно по личному делу.

– Идите к нам в прокуратуру работать, – пошутила Лена, – у вас идеальный для этого склад мышления!

– Ох, да куда уж мне, – замахала руками та. – Я свое отработала. В поликлинике.

Когда за Тamarой Александровной закрылась дверь, Ирина вернулась в комнату, подлила себе еще чаю.

– Ну, сняты с меня обвинения или одного свидетеля недостаточно? – спросила она, пристально глядя в глаза Лены.

– Вас никто и не собирался обвинять, – ответила Лена.

– Да ладно вам... Я же видела, как вы на меня смотрите. Думаете, любовница, приревновала, всякое такое...

«А она не так проста, как кажется на первый взгляд», – подумала Лена.

– Понимаете, дело в том, что смерть Дублинского наступила около пяти часов дня. То есть как раз в то время, когда он пришел к вам с букетом.

– Значит, это не он! А он жив! – Ирина сложила руки на груди.

– Но тело, найденное в лесу, было идентифицировано как тело Сергея Дублинского, – задумчиво сказала Лена.

– Знаете, простите, но я должна побыть одна, – вдруг сказала Ирина. – Я ответила на все вопросы. Я готова, если потребуется, ответить на них еще раз. Но сейчас мне очень тяжело. Уходите. Захлопните за собой только дверь.

И Галковская повалилась на диван...

Глава 8

– Не думаю, что это дело рук Галковской... – задумчиво сказал Гордеев.

Лена кивнула:

– Я тоже так думаю.

– А компания, которая труп обнаружила, не причастна, думаешь?

Гордеев с Леной сидели в номере филиала гостиницы «Октябрьская». Комфортабельный двойной номер-полулюкс радовал свежим евроремонтом. Особенно удивительным на фоне общей городской разрухи и суетливой реконструкции, грозившей затянуться еще на добрый десяток лет. В номере присутствовал даже кондиционер с дистанционным управлением.

Юрий уже в который раз подивился Лениному чутью к комфорту. Филиал бил наповал сервис основной гостиницы «Октябрьской», здание которой было расположено напротив – на другой стороне площади Восстания – и являло собой вид упаднический, лишь слегка подретушированный с незапамятных советских времен. А в их полулюксе чувствовался международный класс. Холодильник-бар был забит миниатюрными алкогольными соблазнами, которых Юрию даже в заграничном круизе отведать не довелось. Впрочем, после вчерашнего эти соблазны мало его трогали. К тому же, Гор-

деев работал.

– Да нет, они на том карьере и двадцати минут не пробыли, – ответила Лена, – их видели, когда они туда шли. Не успели бы даже костер развести, не то что труп сжечь.

– Ну хорошо, – сказал Гордеев, пролистывая документы. протокол опознания, протокол с места обнаружения трупа, допросы свидетелей. – Слушай, вот тут сказано, что возле кострища свежие следы автомобильных шин типа «бриджстоун». У кого-нибудь из фигурантов подходящий протектор имеется? У мадам Дублинской есть машина?

– Имеется, «тойота», новенькая.

– Неплохо быть неработающей женой профессора. Она же дома сидит. К чему машина домохозяйке – на рынок мотаться за диетическим творогом, что ли?

Взгрустнув о своем джипе, оставленном в Москве, Лена возразила:

– Не скажи, Гордеев, машина – вещь в хозяйстве полезная, даже в домашнем.

Адвокат отоспался, отвел душу в комфортабельной белоснежной ванне, разительно отличавшейся от душа на теплоходе, и был готов к боевым подвигам. Осталось только решить, с чего же начать – рыть землю носом или бить копытом.

– Кстати, насчет земельки. Может, махнуть до этой самой «тойоты», да посмотреть на шины. На предмет идентификации и сравнения с оставленным у кострища следом, а, Ле-

нок? – предложил Гордеев. – К тому же отпечаток протектора снимем.

– А что? Ты уже определился с подозреваемой? – поинтересовалась Лена.

– Ну подумай сама! Чем тебе не версия? Особенно учитывая наличие любовницы. Ревнивая жена узнает, что муж, вернувшись из заграникомандировки, немедленно подался к любовнице. Когда тот вернулся после любовных утех, она его душит и увозит на машине в лес, где и сжигает. А?

За окном их номера гудели поезда, уходящие с Московского вокзала. Переливались огнями Лиговский и Старо-Невский проспекты. На город опускался вечер. Но полоска заката на севере и не думала гаснуть. Шла последняя неделя коротких северных ночей.

– Сомнительно мне это, Гордеев, – отреагировала Лена.

– Сомнения можно развеять только фактами. Это первая заповедь следователя.

– А вторая? – насмешливо спросила Лена.

– Вторая... – задумался Гордеев. – Вторая к данному конкретному делу не относится. Давай-ка вспомним боевую молодость да отправимся на разведку. Вот только я сейчас Расиму позвоню, чтобы нам сразу анализ на соответствие сделать, а не ждать сутки да ночь.

– Что за Расим?

– Расим Магометович! Великий человек! Эксперт от Бога и для людей. Мы когда-то давным-давно, еще с Александром

Борисовичем Турецким, так в Питере попали, ежели бы не ибн Магомет, ни черта бы не распутали. Так бы и сидели тут – головы ломали!

– Да ладно! – Лена рассмеялась. – Сидели бы вы тут, нелюемые головушки! Звони своему Расиму, да поехали!

Старый двор на Петроградской стороне. Классический питерский двор-колодец с уходящими вверх рядами створчатых окон, сохнувшим бельем и обшарпанными стенами домов... Тишина и благолепие. Ни тебе развороченных мусорных баков, ни следов от «выгула собак». Отсутствовали даже обязательные подростки с гитарой и граффити на стенах. Только высокие серебристые тополя забрасывали двор пухом. Тишь, гладь, божья благодать. Даже бабушки на скамеечке возле роскошной клумбы не сидели, не толпились, не сплетничали. Ну это, наверное, по причине позднего времени. Ночь, хоть и светлое небо.

– Кстати, а почему мы не возьмем пробу открыто, к чему все эти тайны? – в который раз поинтересовалась Лена.

– А зачем лишний раз светиться, сама подумай? – ответил Гордеев. – Дублинская у тебя пока даже не подозреваемая, так что лучше, если мы возьмем пробу скрытно.

Машина ждала в подворотне. Юрий хотел сначала ее отпустить, но Лена настояла, чтобы водитель их ждал, пусть лучше машина будет под рукой, а то в такой час ловить такси будет проблематично. Лена с Гордеевым, как завзятые пре-

ступники, подкрались к стоящей у парадного номер два новенькой синей «тойоте». Гордеев присел перед машиной на корточки, достал из кармана перочинный нож и маленький полиэтиленовый пакетик. Дотронувшись до колеса, он тут же отдернул руку – взорвалась оглушающим воем сигнализация. Юрий сделал прыжок в сторону Лены. Из окон начали выглядывать жильцы. Раздавались недовольные крики:

– Что там за хулиганье! Сейчас милицию позовем!

Хлопнула дверь парадной. Кто-то вышел во двор. Лена, тут же сориентировавшись, бросилась Гордееву на шею. Они застыли в длинном поцелуе. К синей «тойоте» подскочил мужик в тренировочных обвисших штанах и в кожаной безрукавке. Пнул машину ногой. Сигнализация умолкла.

– То-то! – со значением сказал мужик и ушел, не обратив на Лену с Гордеевым никакого внимания.

Как только за ним хлопнула дверь парадной, Лена оторвалась от Юрия. Засмеялась:

– Это не та машина...

– Как не та? «Тойота», серая...

– Какая серая, дальтоник! Ты к синей полез, вон та – возле стены стоит.

– Черт! Ночью все «тойоты» серы.

Гордееву не хотелось отпускать Лену, но та жестом ему указала – иди, мол, займись делом.

Расим Магомедович Амирасланов заваривал чай. Делал

он это неторопливо, с наслаждением. Предвкушая скорое наслаждение ароматным напитком.

Процесс приготовления чая требовал серьезного подхода. Даже на работе Расим хранил припасы различных трав, призванных улучшить вкус любимого напитка. Именно на работе Расим проводил большую часть своей жизни, и поэтому лишиться себя любимого напитка на долгие ежедневные восемь часов он не мог. Как говорил сам Расим Магомедович: «Две трети жизни – на работу, треть – на сон и оставшиеся сотые доли времени – на мелкие увлечения».

Чай заваривался в литровом чайнике из китайской красной глины. Медленно и со вкусом. Как всегда...

Но в этот раз чайная церемония была прервана неожиданным визитом гостей, решивших потревожить эксперта в его кабинете уже в первом часу ночи.

Впрочем, гостей этих Расим ждал, и чай заваривал в их ожидании. С Гордеевым они обнялись, а Лене Бирюковой эксперт галантно поцеловал руку.

– Ну что? Без дела не заходите? – с заметным акцентом спросил Расим.

– И не говори, – весело ответил Гордеев и достал бутылку коньяку.

– Армянский, ну надо же! – удивился Расим Магомедович. – «Двин»? Он еще существует?

– Как видишь! Как видишь, и мы еще существуем.

– А ты знаешь, что Черчилль пил именно «Двин»? Я его

тоже считаю лучшим из армянских коньяков.

– Если перечислять все сорта армянского коньяка, который, по утверждениям тех же армян, пил Черчилль, то мы его с полным правом обязаны объявить отъявленным алкоголиком. Так что я не сильно верю всем этим рассказам. Но мы его выпьем с удовольствием, тем более что нас ждут великие дела! – сказал Гордеев. – Давай-ка только сначала твоего знаменитого чаю, а потом уже поговорим.

– А нет, давай, что принес. Чай пусть несколько минут постоит, ему полезно. А пока о деле рассказывай.

– Вот, Расим, – гордеев достал из кармана пакетик. – Это мы взяли с колеса машины. А вот заключение экспертизы с места обнаружения трупа. Вопрос: не была ли машина в том месте. Вот отпечаток протектора.

– Хм... – почесал затылок Расим. – Вообще-то, мне нужна проба с места, где нашли труп...

– В принципе, это решается. Если, конечно, возникнет необходимость.

– Ладно, давай справку. Сначала попробуем обойтись...

Расим взял у Юрия пакетик с соскобом с колеса и углубился в работу. Лена подошла к нему и выложила справку о результатах экспертизы с места обнаружения трупа.

Через некоторое время Расим оторвался от своего занятия и сказал:

– Давайте чай пить.

Он достал кружки и рюмки для коньяка. Лена Бирюкова

сначала от алкоголя отказывалась, но потом вспомнила, что она не в Москве, а в Питере, и к тому же – не за рулем. «Редкий случай, что бы не выпить в самом деле!» – она махнула на все рукой, ну и выпила вместе с мужчинами крохотную рюмку коньяку.

Потом долго пили ароматный чай, молчали. Только когда чайник опустел, Расим произнес:

– Те самые шины. И место знаю, где они катались.

Гордеев, чуть не поперхнувшись последним глотком, спросил:

– Ты что, волшебник, Расим? Мы про место ничего не говорили.

– Эх, Юра, я не волшебник, но я – эксперт! – со значением произнес Расим. – И город свой знаю. Нет больше таких мест. Это карьер за Дыбенко. Там достаточно характерный грунт.

Лена ойкнула, тоже удивленная такой проницательностью.

Расим Магометович продолжал:

– Я это место хорошо знаю. Даже подростков по подошвам находил, которые туда за псилоцибином шляются. На южной окраине такое одно место – уж больно почва там специфическая.

Гордеев стал очень серьезным – версия, конечно, версией. Но тут уже повод для задержания, раз мадам Дублинская действительно на своих колесах проехала по такому месту,

где почва столь специфична, что знаменитый эксперт с первого раза угадывает.

– Ты уверен?

– Мамой клясться не буду – ты знаешь, я мамой не клянусь. Но свое слово даю. И за него отвечаю.

– А как с заключением экспертизы?

– Будет... Только не сейчас. Завтра подготовлю, чтобы все по форме было. Я, ты знаешь, халтуры не люблю. Все должно быть как положено.

Лена молчала – ей не очень-то верилось в причастность Оксаны, но факты налицо. Придется арестовывать. Вот тебе и судьба жены профессора, домохозяйки, недавней аспирантки. Три дня назад муж пропал, а сегодня сама в Кресты попадет.

Гордеев и Лена, посидев еще немного, попрощались с экспертом и вышли на улицу. До гостиницы решили пройти пешком. Благо – рукой подать. Лена молчала. Гордеев – тоже.

И тут с неба внезапно хлынул дождь. Не дождь даже, а ливень – сплошной стеной, такой, что и в трех шагах ничего не разглядеть. Лена с Юрой сначала ускорили шаг, потом побежали.

Добравшись до гостиницы, долго отряхивались и фыркали. Промокли они до нитки. Уже в номере, переодевшись в гостиничные же махровые халаты, налили себе коньяку из мини-бара, уселись в кресла друг напротив друга и только

тут начали обсуждать происшедшее.

– Ну что, Дублинскую задерживать будешь? – спросил Гордеев.

– Буду, хотя мне и не верится. Однако улики веские, придется ей в СИЗО посидеть, пока мы бегаем. Только надо забрать заключение экспертизы.

– Нет, Лена, – задумчиво произнес Гордеев, – все это ерунда. Не могла Дублинская убить, отнести труп в машину, увезти в лес, сжечь...

– Почему это?

– Потому что не могла. Представь себе женщину, которая тащит труп мужика? Нереально...

– Сообщник? – предположила Лена.

– Возможно.

– А что, если, после того как Дублинский побывал у любовницы, его встретила жена, увезла в лес, там убила... А?

– Очень уж все это сложно, – сказал Гордеев. – Нет, не верю я, что Дублинская имеет отношение к убийству.

– Тем не менее, улики... – заметила Лена.

– Слабые улики.

Лена сняла запотевшие очки, тщательно протерла их бумажной салфеткой и сказала очень серьезно:

– Я думаю, Юра, что это только начало. Не так уж тут все просто. Вот мне думается, что по времени что-то не то. От Галковской он ушел после пяти, а в шесть часов, по показаниям экспертов, он уже был мертв. Он за это время не успел

бы даже туда добраться. Кто-то что-то путает.

Спать они в эту ночь не ложились. Проговорили до утра, выдвигали различные версии, много спорили.

Лена все же была уверена, что Оксана Дублинская к исчезновению супруга причастна. Гордеев в этом сильно сомневался. Однако против ареста Дублинской не возражал. Конечно, если будут серьезные основания.

В конце концов пришли к выводу, что в квартире Дублинской надо устроить обыск.

На следующий день Лена вместе с группой оперативников, получив ордер на обыск, отправилась на квартиру Дублинских. Долго искать не пришлось – в прихожей был найден завернутый в газету нож со следами крови, а на обуви Дублинской были найдены следы грунта, очень похожего на тот, из карьера, с места убийства. Кроме того, на обуви были обнаружены следы бензина.

– Да, – сказал эксперт, осмотрев обувь, – кто-то, видимо, пролил бензин на ноги.

– Приобщите это к числу вещественных доказательств, – распорядилась Лена.

Она внимательно наблюдала за Дублинской. Найденное во время обыска повергло ее в шок – она смотрела на нож с ужасом.

– Вам знаком этот предмет? – спросила Лена, указывая на нож со следами крови.

– Нет... – отвечала Дублинская.

– Как вы можете объяснить то, что он находится в вашей квартире?

– Не знаю... – ответила та, закрыла лицо и заплакала.

Лена попросила принести ей воды, Дублинская выпила и немного успокоилась.

– Как вы объясните эти факты? – продолжила Лена.

– Не знаю... – был ответ.

– Вы ездили на место сожжения? Вы присутствовали в лесу во время сожжения? – спросила Лена.

– Нет, – только и ответила Дублинская.

– Не пользовались вашим автомобилем? Или вы не присутствовали?

– Я ничего не знаю... Я там не была.

– Тогда как вы объясните тот факт, что на протекторах вашего автомобиля и на обуви найден этот грунт?

– Я не имею к этому никакого отношения. Выглядит нелепо, но я и в самом деле не знаю, как эта почва оказалась там, где вы ее нашли.

– Хорошо. Тогда расскажите, что было после возвращения вашего мужа из командировки.

– Я видела его после возвращения не более часа. Потом он уехал куда-то и не вернулся ночевать. Это немыслимо – ведь он обещал вернуться, а Сергей всегда выполнял свои обещания.

– Постарайтесь отвечать максимально точно, припомните

мельчайшие подробности. Это может оказать вам неоценимую помощь. Итак, ваш муж в тот день вернулся с конференции...

– Да. Приехал, поцеловал меня, – Дублинская прилежно припоминала подробности. – Немного рассказал о поездке. Переоделся. И около пяти уехал – сказал, что вернется поздно. Веселый такой был, оживленный.

– Вам он сказал, куда поехал?

– Я не спрашивала, он не уточнял. Мы абсолютно доверяем друг другу. Доверяли...

Она снова забилась в рыданиях.

Лена подождала, пока она успокоится, затем решила перейти к главному:

– Оксана Витальевна, вы подозреваетесь в убийстве своего мужа, Сергея Владимировича Дублинского. На это указывают улики – на колесах вашего автомобиля обнаружена почва, аналогичная той, которая характерна для местности, где был найден обгорелый труп вашего супруга. Кроме того, в результате обыска, произведенного в вашей квартире, найден нож со следами крови, группы, соответствующей крови вашего мужа, а на вашей обуви найдены следы грунта, который похож на почву с места сожжения трупа, а также бензина, которым был облит труп перед сожжением. Экспертиза установит их идентичность, а пока я вынуждена избрать в качестве меры пресечения заключение вас под стражу.

Дублинская смотрела на нее непонимающими глазами.

– Меня?.. Вы хотите посадить меня в тюрьму?

– Да.

Когда Дублинскую увезли, Лена решила отправиться к гостинице пешком. А по дороге размышляла, правильно ли она поступила, отправив Дублинскую в Кресты. Она не могла однозначно ответить на этот вопрос...

– Нет... – сказал Гордеев, когда узнал о результатах обыска. – Не верю я в это.

– Веришь или не веришь, а вывод выглядит довольно однозначно. Когда найдены такие улики, арест – это единственное, что я могла сделать.

– В принципе, да. Может быть, ты поступила и правильно. Но имей ввиду, что виновность Дублинской под очень большим вопросом.

– Вот тогда и доказывай ее невиновность, – рассердилась Лена, – а то советовать каждый может.

– Хорошо, – пожал плечами Гордеев, – я буду защищать Дублинскую, а ты изволь выдвигать против нее обоснованные обвинения. Вот и посоревнуемся.

В конце концов пришли к выводу, что Гордеев выступит адвокатом Оксаны, чтобы иметь возможность присутствовать на допросах и не оставлять Лену одну. Конечно, если сама Дублинская не будет против.

Глава 9

Ахмет Гучериев удобно расположился в мягком кресле и закурил. Не мешало бы еще и выпить после столь удачно проведенной операции, но это успеется – за ужином. Сладковатый дым анаши полз по комнате. Аллах не возбраняет своим воинам немного расслабиться в минуты отдыха. Главное, что воин должен быть собран, когда Аллах призовет его. Но до этого момента еще далеко.

Ахмет щелкнул пальцами, в комнате тут же появился его подручный Джабраил, появился моментально и незаметно – будто материализовался из воздуха. И замер в почтительной позе.

Гучериев приоткрыл один глаз:

– Скажи, Джабраил, сколько их было?

– Четверо, Ахмет.

– Ты уверен? – Гучериев говорил с ленцой. Казалось, что тема разговора нисколько его не интересует. Он курил и смотрел в окно.

– Уверен... – замялся с ответом Джабраил.

– Так пойд и спроси! – голос Гучериева звучал низко и тревожно, так, что Джабраил поежился от его звука. – Ты этих еще в расход не пустил?

– Нет, – мотнул головой Джабраил.

– А куда дел? – Ахмет сделал глубокую затяжку, почти

на полминуты задержал дым в легких и, прикрыв глаза, с наслаждением выпустил его через нос. Джабраил дождался, когда тот откроет глаза и ответил:

– В подвале сидят.

– А профессор? С ними?

– Нет, ты же сказал, что он гость.

– Правильно, гость. Где он?

– Я его в комнату отвел.

Ахмет одобрительно кивнул:

– Молодец... Так иди и спроси!

– У профессора?! – осторожно поинтересовался Джабраил.

– Дурак ты, Джабраил! Профессор знать их не знает! У этих, в подвале, спроси, им все равно отсюда не выйти!

– Хорошо, Ахмет.

– А профессора береги! Пусть покормят его хорошо. Я с ним потом говорить буду.

Гучериев раздавил окурок в пепельнице и закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Он попытался вздремнуть, но ему мешали полностью расслабиться мысли о предстоящем разговоре с профессором. Неожиданно перед ним снова возник Джабраил. И снова замер, не поднимая на командира глаз.

Гучериев спросил:

– Что? – и сам тут же догадался: – Сколько их было?

– Пятеро... – ответил подручный, не смея поднять глаз.

Гучериев произнес гортанное ругательство. Потом поднялся с кресла:

– Ты уже узнал кто: адрес, фамилия, машина?

– Все узнал, но он же не дурак, он вряд ли там объявится...

– быстро ответил Джабраил.

– Он-то не дурак, раз ушел от нас... – вздохнул Гучериев. – Это мы дураки. Понял?

Джабраил, не зная, как отреагировать, поднял глаза, потом чуть кивнул. Ахмет снова тяжело вздохнул и махнул рукой:

– А ты, Джабраил, совсем дурак будешь, если найти не сумеешь...

– Да, Ахмет...

– Пойдешь и убереешь, чтобы я больше никогда о нем не слышал. Ты понял?

– Да.

– Справишься?

Подручный неуверенно кивнул, а командир, недовольно посмотрев на него, продолжил:

– Ладно... Машина у него какая?

– Джип, белый, прошлого года.

– Какой джип?

– Джип, – недоуменно повторил Джабраил. – Такой большой...

– Какой джип, я спрашиваю! – в голосе Ахмета сквозило раздражение. – Марка какая, марка!

– А-а... «мицубиси-паджеро»... Кажется.

– Что значит «кажется»? Ты точно не помнишь? – взвился командир.

– Точно, точно, Ахмет... – поспешил заверить его Джабраил.

– Хорошо... Вот тебе и премия, Джабраил. Сделаешь его – можешь тачку себе оставить.

– Спасибо, Ахмет.

– Как там профессор?

– Нормально. Спит.

– Это хорошо. Не буди.

Гучериев прошелся по комнате, потирая острый подбородок. Он ступал неслышно, как кошка. И дело было даже не в мягких коврах, которые покрывали пол, просто он привык так передвигаться...

– ...Запомни, Ахмет, в лесу и в горах каждый листик, каждый сучок может тебя выдать.

Так говорил старый Автандил-ага молодому Ахмету Гучериеву, когда еще тот был совсем маленьким.

– А где тут лес? – спрашивал Ахмет, который родился и вырос в окрестностях Караганды. – Да и горы далеко, на востоке...

– Нет, малыш, – отвечал аксакал. – Горы там... На нашей родине.

Сухая морщинистая рука показывала на запад. Там Ахмет

никогда не бывал.

– А разве наша родина не здесь? – удивлялся мальчик.

Автандил-ага мотал головой, отчего длинные шелковистые волосы поблескивали в лучах жаркого казахстанского солнца.

– Нет, сынок. Наша родина не здесь. На нашей родине есть высокие горы, покрытые зеленым кустарником, где легко спрятаться. И быстрые горные речки со студеной водой и глубокими омутами. И непроходимые леса, где враг испытывает ужас, а ты чувствуешь себя как в собственном доме. И глубокие пещеры с длинными подземными ходами, которые могут вывести на поверхность в самом неожиданном месте, чтобы зайти врагу в тыл и убить его раньше, чем он успеет обратиться к своим богам...

Ахмет слушал эти странные слова, которые произносил старик, и ему до боли хотелось попасть в этот чудесный край, который Автандил-ага почему-то называл их родиной. Но вокруг расстилалась нескончаемая степь, покрытая сухой травой. Здесь, в Казахстане, в шестидесятые годы под бодрые лозунги об освоении целины пытались сажать пшеницу, сюда со всех концов Советского Союза приезжали люди...

Но суховеи сметали тонкий слой плодородной почвы прочь, и оказалось, что в этой степи не растет ничего, кроме чахлой степной травы. Люди потянулись прочь отсюда, оставляя построенные в ударные сроки колхозы, поселки городского типа, одиноко стоящие в бескрайней степи элева-

торы...

Оставались только те, кто жил здесь до начала покорения целины. Казахи, корейцы, немцы. И чеченцы, которые оказались в казахских степях в середине сороковых годов.

Ахмет рос бойким мальчиком. Здесь, под Карагандой, чеченцев было мало, а в школе, где учился Ахмет, их почти совсем не было. Только Ахмет и еще один парнишка, на год старше его – Салман. Они, конечно, дружили, вместе защищались от местной шпаны, и, надо сказать, получалось это довольно успешно. Дрались они так, как будто от исхода стычки зависела их жизнь. Не просто «до первой крови» (по негласному закону местной пацанвы), а до того момента, когда рядом стоящие или появившиеся на шум драки взрослые не разнимут. Если бы не вмешательство, неизвестно, чем могли закончиться эти драки. И Ахмет и Салман сражались, как бойцовые псы, самозабвенно, забывая обо всем на свете, видя перед собой только врага.

Постепенно их стали обходить стороной. Никому не хотелось повстречаться с чеченцами на узкой дорожке – кто знает, что могло прийти в голову этим «диким горцам», как их называли в поселке городского типа, который носил звучное название «Имени Заветов Ильича». В просторечии «Заветка».

И только старый Автандил-ага одобрительно кивал, когда мимо проходили приятели Ахмет и Салман, костяшки рук которых были вечно разбиты, а на лицах всегда можно было

заметить две-три свежие царапины.

Впрочем, к окончанию школы Ахмет остался один. Вот как это произошло.

В северной части поселка, которая примыкала к железнодорожной платформе, появилась шпана с соседней станции Пролетарская. Они приезжали по выходным, навевались в местный клуб на танцы, после которых увязывались за местными девчонками, которых и тискали в ближайших подворотнях. Конечно, местные, «заветчики», как их называли, стерпеть такого не могли, и то и дело вспыхивали драки не на жизнь, а на смерть. Тем не менее хулиганье с соседней станции одерживало верх – ребята там были здоровые, крепкие, кроме того, на соседней станции находились железнодорожные мастерские, где всегда можно было добыть цепь, выточить кастет, а то и заточку. На Заветах же Ильича имелась только хлопкопрядильная фабрика, и то работающая вполсилы.

Так что противостоять «пролетарским» было положительно невозможно. Поэтому местные ребята постепенно оставили попытки им противостоять, заключили мирное соглашение, по которому пришельцы имели полное право хозяйничать в поселке.

Ахмет и Салман держались особняком во время этих разборок. К местным они относились корректно, но близко не подпускали. У Салмана уже была девушка, красавица Фатима, с которой он гулял по местному «бродвею» – площади,

носящей одноименное с поселком название Заветов Ильича, где можно было зайти в кафе «Целинница», поесть мороженое, а потом и в клуб, где крутили кино. Обычно Ахмет сопровождал их, и только вечером, после сеанса, Салман говорил ему по-чеченски, что пора ему домой, и Ахмет, не обижаясь, возвращался. Ходить по поселку один он не боялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.